

РОЙ МЕДВЕДЕВ

СОЦИАЛИЗМ
И КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых

Рой Медведев

Социализм и капитализм в России

«WebKniga»

2016

УДК 94(470+571)
ББК 63.3-3

Медведев Р.

Социализм и капитализм в России / Р. Медведев — «WebKniga»,
2016 — (Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых)

ISBN 978-5-96-911646-7

В основу настоящего тома собрания сочинений Роя и Жореса Медведевых легли книги Роя Медведева "Социализм в России?" (2006), посвященная историческим судьбам социализма в России в XX веке: от зарождения и распространения идеи общества социальной справедливости до крушения реального социализма в 1990-е, "Капитализм в России?" (1998), содержащая общественно-политический анализ событий, происходивших в Российской Федерации с осени 1991-го до конца 1995 года, и "Народ и власть в России в конце XX века" (2009), в которой вниманию читателей предлагается аналитический взгляд историка на события, происходившие в стране в течение последних двадцати лет прошлого века. Для данного издания материалы значительно переработаны и расширены автором.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3-3

ISBN 978-5-96-911646-7

© Медведев Р., 2016
© WebKniga, 2016

Содержание

Информация от издательства	5
СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ?	6
Предисловие	6
Глава первая. СОЦИАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ИДЕЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ	7
«Загадка века»	7
А был ли социализм?	11
К определению социализма	16
О концепциях научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса	19
Ленинизм. Социалистическая идея и социалистическая практика	24
О концепциях раннего и незрелого социализма	34
Глава вторая. КРУШЕНИЕ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР	37
Идеологическое отступление КПСС	37
Ослабление партийной дисциплины и авторитета лидеров КПСС	41
Идеологическое и политическое размежевание в КПСС	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рой Медведев

Социализм и капитализм в России

Информация от издательства

Научно-популярное электронное издание

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Медведев, Р. А.

Социализм и капитализм в России / Рой Александрович Медведев. – М.: Время, 2017. – (Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых).

ISBN 978-5-9691-1646-7

В основу настоящего тома собрания сочинений Роя и Жореса Медведевых легли книги Роя Медведева «Социализм в России?» (2006), посвященная историческим судьбам социализма в России в XX веке: от зарождения и распространения идеи общества социальной справедливости до крушения реального социализма в 1990-е, «Капитализм в России?» (1998), содержащая общественно-политический анализ событий, происходивших в Российской Федерации с осени 1991-го до конца 1995 года, и «Народ и власть в России в конце XX века» (2009), в которой вниманию читателей предлагается аналитический взгляд историка на события, происходившие в стране в течение последних двадцати лет прошлого века. Для данного издания материалы значительно переработаны и расширены автором.

© Рой Медведев, 2017

© Валерий Калныныш, оформление и макет, 2017

© «Время», 2017

СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ?

Предисловие

В книге, которая лежит перед читателем, я хотел бы обсудить с единомышленниками и оппонентами некоторые из проблем, относящихся к трудной судьбе социалистической идеи и социалистической практики в России. Это не первая книга автора по проблемам социализма. В начале 70-х годов во многих странах издавалась моя книга «Социализм и демократия», которая была написана в конце 60-х годов и содержала анализ проблем советского общества с позиций независимого социалиста и демократа. На русском языке эта же книга была издана в 1972 году Фондом им. Герцена в Амстердаме под названием «Книга о социалистической демократии». В 1981 году в Лондоне была издана на английском языке моя книга «Ленинизм и западный социализм», в которой я продолжил анализ некоторых проблем советского социализма. В новой книге я продолжаю эту работу, но уже с учетом тех драматических событий, которые были связаны с разрушением Советского Союза и крушением КПСС. Первый вариант этой книги я подготовил еще в 1996 году для узкого круга активистов Социалистической партии трудящихся – СПТ, в которой я был одним из семи сопредседателей. Она была распространена среди друзей всего в 150 экземплярах. Второй вариант книги я подготовил для китайских товарищей после участия в большой Международной конференции по проблемам социализма, которая была проведена Пекинским университетом в январе 2002 года. Книга была издана в 2003 году в Китае и на китайском языке под названием «Историческая судьба социализма в России». Теперь я подготовил третий вариант этой книги. Моя книга – это в большей мере обзор произошедших в СССР и в России событий, а также наших, главным образом московских, дискуссий по проблемам социализма. Для более глубокого исследования проблем социализма нам не хватает знания того огромного и разнообразного опыта, который был накоплен в XX веке социалистами, социал-демократами и коммунистами в десятках стран мира и который по многим направлениям оказался более успешным, чем наш советский и российский опыт. Социализм в разных формах наступает сегодня со всех сторон, и те опасности, трудности и угрозы, которые возникают перед всем человечеством с развитием техники, науки, экономики, с возникновением новых противоречий между разными регионами и цивилизациями, невозможно эффективно преодолеть без использования идей и методов, которые разрабатываются и предлагаются социалистами разных стран и разных направлений. Социализм и социалистическая идея актуальны сегодня и для России, которая ищет свой путь и свое новое место в мире, а также в постсоветском пространстве. Коммунистические лидеры прошлых десятилетий имели претензию учить всех «правильному», «истинному», «единственно верному» учению о социализме. Их поражение не должно, однако, отвратить нас от великих и благородных идей справедливости, солидарности, свободы и общественного блага, которые лежат в основе социалистического идеала. Именно этими соображениями я руководствовался, когда работал над своей книгой.

Москва, 6 марта 2005

Глава первая. СОЦИАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ИДЕЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ

«Загадка века»

К началу 80-х годов советское общество было уже тяжело больным социальным организмом. Однако правящая элита не понимала его болезней, не знала, как их лечить и даже скрывала все более и более зловещие симптомы. «Мы плохо знаем общество, в котором живем», – это сказал Юрий Андропов вскоре после того, как он возглавил КПСС и СССР. А всего через десять лет и Советское государство, и КПСС были мертвы. Обрушилась и мировая социалистическая система, и все то, что мы называли мировым коммунистическим движением. Такой ход событий оказался полной неожиданностью не только для сторонников, но и для противников социализма и коммунизма. Политические противники Советского Союза десятилетиями боролись против «коммунистической угрозы». Но и они не ожидали, что крушение КПСС, СССР и Варшавского договора произойдет столь стремительно и без больших усилий с их стороны. В книге Зб. Бжезинского «Большой провал», вышедшей в свет в 1989 году, автор утверждал, что коммунистический режим в СССР доживает последние годы или десятилетия. Автор рисовал при этом разные сценарии реформации или демонтажа коммунизма. Не исключал Бжезинский и возможности неожиданного и быстрого распада Советского Союза, но считал все же такой исход наименьшей вероятностью¹. Неожиданность, однако, это не синоним случайности. Было бы ошибочным связывать крах КПСС прежде всего с деятельностью ее лидеров времен перестройки, забывая при этом всю предыдущую деятельность ее руководства, ее противоречивую историю, ее идеологию и политику, организационную структуру, а также положение партии в системе Советского государства и в жизни общества. Было бы ошибочным связывать разрушение СССР только с решениями, принятыми в Беловежской пуще, забывая сложную историю Советского Союза, его структуру и проводимую его правителями экономическую, социальную и национальную политику.

Нетрудно доказать, что указы о запрещении КПСС и о конфискации имущества и средств партии не опирались на законы страны. Но почему в августе или в ноябре 1991 года, когда наносились эти удары по КПСС, в стране не было по этому поводу ни одной забастовки, даже ни одного митинга протеста? Мне неизвестны случаи, чтобы рабочие и служащие да и все другие члены КПСС и «беспартийные коммунисты» приходили для защиты своих райкомов, горкомов или обкомов партии. Огромные толпы людей, собравшиеся 23 августа 1991 года на Старой и Новой площадях в Москве – у зданий ЦК и МГК КПСС, намеривались не защищать, а готовы были помочь захвату и разгрому находившихся там центров партийной и государственной власти. Да и через полтора года, когда решения Конституционного суда Российской Федерации открыли возможность восстановления легальной деятельности Компартии России, в ее ряды вернулось немногим более пяти процентов от численного состава КПСС на территории РСФСР. В последующие годы численность КПРФ не увеличивалась, а сокращалась, как уменьшался и ее электорат.

Как историка меня поражает сходство между событиями осени 1991 года и весны 1917 года, когда всего за несколько дней в России рухнули и 800-летний самодержавный режим, и 300-летняя династия Романовых. Есть очевидное сходство между отречением от престола Николая Второго и отречением от лидерства в КПСС Михаила Горбачева, между попыткой генерала Корнилова установить в стране военную диктатуру и попыткой путча ГКЧП.

¹ Бжезинский Зб. Большой провал. Нью-Йорк, 1989. С. 229.

Почему не встали на защиту престола сотни тысяч дворян-офицеров, присягавших этому престолу на верность, почему они не смогли поднять на защиту монархии ни 10-миллионную армию, ни миллионное казачество? Почему бездействовало и молчало 300-тысячное духовенство? Уже к концу 1917 года все эти силы были сметены партией большевиков, которая к началу этого года не имела в своих рядах и 40 тысяч членов, и руководство которой находилось или за границей, или в сибирской ссылке. Но кто шел еще в начале 1991 года за пестрой коалицией партий, называвшей себя «Демократической Россией»?

В 1917 году большая часть рабочего класса России поддержала большевиков и образовавшееся после революции Советское государство определялось в документах партии как диктатура пролетариата. Рабочий класс и в последующие десятилетия считался главной опорой КПСС. Но как вел себя российский рабочий класс в 1990–1991 гг.? Рабочее движение возникло у нас в стране в годы перестройки, и хотя оно охватило лишь меньшую часть рабочих, оно уже в 1989 году стало заметным фактором общественной жизни. Но это движение было направлено против власти и против КПСС. Достаточно вспомнить о лозунгах и забастовках шахтеров в Кузбассе, Донбассе и Воркуте. То обстоятельство, что именно рабочий класс отказал в доверии коммунистам в самый трудный момент, известный левый публицист Сергей Кара-Мурза называл «загадкой века». «По какой-то неведомой причине недоумевал, – С. Кара-Мурза, – в массе рабочих России выросло убеждение, что разрушение советского строя и отказ от солидарности с КПСС будут рабочему выгодны. Почему люди так подумали – это загадка века. Никто пока не дал ей вразумительного объяснения». Сама статья С. Кара-Мурзы называлась «Самораспад гегемона»².

Очень был обижен С. Кара-Мурза и на крестьян, на служащих да и на все 400-миллионное население стран СЭВ и Варшавского договора. «Это были, казалось бы, нормальные люди, а теперь побрели, как слепые в пропасть». Однако в таком поведении народа России не было особой загадки, оно было закономерным результатом всей политики и всей «воспитательной работы» КПСС. Положение народных масс в России и через 70 лет после Октябрьской революции было очень тяжелым, и хотя КПСС называла себя «авангардом рабочего класса», руководство партии сознательно культивировало в народе политическую пассивность, давя молотом репрессий почти все проявления политической активности и самостоятельности рабочих, крестьян и интеллигенции. Наш народ не был слепым, но именно поэтому от него многое скрывали, и он мало что мог понять. Это как раз и устраивало его поводырей, которые, как оказалось, мало что понимали в реальной обстановке и сами. Производственные коллективы не могли стать в Советском Союзе субъектами политики, а профсоюзные и партийные организации на предприятиях превратились во многих отношениях в органы надзора и даже подавления. Что должны были защищать в 1991 году шахтеры Донбасса и Кузбасса, металлурги Урала и машиностроители Брянска? Жизнь этих людей все еще была крайне тяжелой, а противники КПСС, выступая против партократов, не скупилась на обещания. Вот почему «гегемон» и молчал, когда для лидеров КПСС наступили их самые трудные дни. Ничего не могла сделать и гигантская система партийной агитации и пропаганды с ее сотнями тысяч агитаторов и пропагандистов, ученых и учителей, писателей и журналистов. Вся эта огромная машина, на содержание которой расходовалось не меньше средств, чем на армию и вооружение, вращалась, как выяснилось, на холостом ходу. Пропаганда слишком расходилась с реальной жизнью, чтобы рабочие могли ей поверить. Кадровый рабочий и ветеран Отечественной войны Л. А. Озябкин, размышляя в 1993 году о поведении рабочего класса в 1991 году, писал:

«Над всеми нами кошмаром висели ошибки и преступления руководящих невежд и авантюристов прошедшего периода. Многие люди просто не понимали, что марксизм и социализм были извращены, а идеалы революции преданы.

² Советская Россия. 1994. 16 июля.

Наш рабочий класс раскололся на продажную рабочую аристократию, деклассированную часть и рабочих, которые составляли большинство армии труда и которые в той или иной мере утратили сознание коллективизма и ответственности за общее дело. У нас и сейчас многие не хотят ни социализма, ни капитализма и говорить с ними о насильственном возврате к прошлому не только бессмысленно, но и преступно. Сегодня массы рабочих за коммунистами уже не пойдут»³.

С терминологией Л. Озябкина можно не соглашаться, но настроение рабочих он знает хорошо.

Не было забастовок и манифестаций и в знак протеста против соглашений в Беловежской пуще о ликвидации СССР. А ведь референдум о сохранении СССР был проведен еще 17 марта того же 1991 года. Но это было пассивное голосование, за которым не стояло ни политической воли лидеров КПСС, ни активной политической воли народа. Иначе Верховные советы союзных республик не смогли бы столь единодушно голосовать за ратификацию соглашений об СНГ. Не слишком прочным оказалось как «нерушимое единство партии и народа», так и «союз республик свободных», который «сплотила навеки великая Русь». Дружба и сотрудничество советских народов не были мифом, как не была мифом и концепция о советском народе, как новой общности людей и его морально-политическом единстве. Но крепость этого единства была еще недостаточной, чтобы противостоять неожиданно возросшему давлению радикального национализма и сепаратизма.

Конечно, и «зарубежная закулиса», как и вполне открытые антикоммунистические центры должны быть здесь помянуты. Холодная война против СССР не была мифом, это была тщательно планируемая и щедро финансируемая политическая, экономическая и идеологическая борьба двух систем. Была и изнурительная гонка вооружений, и борьба за влияние на всех континентах. Но, во-первых, эта борьба была взаимной, и можно назвать немало периодов, когда преимущество находилось на стороне Советского Союза. Эта борьба в иных формах началась уже в 1918 году, и Великая Отечественная война была лишь одним из самых острых ее эпизодов. Пока Советский Союз был мощной и относительно здоровой государственной и общественной системой, эта борьба не наносила ему существенного ущерба. Но когда фундамент нашего государства ослаб, оно не выдержало давления извне, как и воздействия не слишком сильных центробежных сил. Большинство западных центров и не скрывали своих целей, призывая, подобно Рональду Рейгану, разрушить советскую «империю зла». И когда Советский Союз распался главным образом в силу внутренних причин, западные лидеры спешили закрепить результаты этого неожиданного для них «успеха», дружески похлопывая при этом по плечу и президента Б. Ельцина, и президента Украины Л. Кравчука, и экс-президента СССР М. Горбачева.

Сказанное выше не означает, что СССР и КПСС являлись слабыми и немощными структурами. Они потеряли гибкость, они опирались на устаревшую и консервативную идеологию, они возглавлялись слабыми лидерами. Но во многих других отношениях СССР и КПСС сохраняли и в 1991 году прежнее могущество. Высшие органы партийно-государственной власти в нашей стране продолжали опираться на самую многочисленную и сильную в мире организацию государственной безопасности, на могучую армию, на громадную систему государственной экономики. Они имели в своих руках как разветвленную сеть средств массовой информации, так и многие другие институты власти и влияния. Народ страны не отвергал идею социализма и не стремился ни к какой «капиталистической революции». Однако очень многое в нашем государстве держалось в первую очередь на насилии над обществом, а также на фальсификации и обмане. Советское общество и советское государство были построены за «железным занавесом», в изоляции, они были лишены демократических институтов и тради-

³ ИЗМ. 1993. № 3. С. 31.

ций и потому оказались недостаточно конкурентоспособны в условиях научно-технической и информационной революции конца XX века. Наше государство не допускало инакомыслия и оппозиции, оно грубо отвергало любую критику, идущую и извне и изнутри, оберегая с помощью репрессий нашу политическую стерильность. В результате и общество, и государство постепенно лишились иммунитета от многих болезней, с которыми сравнительно легко справлялись другие общественные и государственные системы. Громадная страна могла жить и развиваться лишь в тщательно изолированной и искусственной среде, подобно тому, как лишенный иммунных систем организм может существовать лишь под стеклянным колпаком и на искусственной пище.

Однако вторая половина XX века стала временем такого мощного и все более ускоряющегося развития производительных сил, которое требовало и иных производственных отношений, и иной «надстройки». Уже в 60—70-е годы XX века Советский Союз и советский социализм оказались в ситуации, которая была сходна с ситуацией, в которой оказался европейский капитализм во второй половине XIX века и которая нашла свое адекватное отражение в марксизме: у нас в СССР в гораздо большей степени, чем в США и Западной Европе, обострились противоречия между базисом и надстройкой, между производственными отношениями и производительными силами. В мире новых технологий и в условиях глобализации, в эпоху персональных компьютеров и интернета, мобильных телефонов, ксероксов и электронной почты Советский Союз с его прежними политическими и идеологическими системами был обречен на быстрое отставание и поражение. Стагнацию и деградацию можно было бы продлить на два-три десятилетия. Но тогда и крушение было бы более тяжелым и разрушительным.

Кризис экономической и политической системы СССР начал отчетливо обозначаться еще в середине 60-х годов, что вызвало к жизни не только движение диссидентов, но и попытки разработки и проведения некоторых реформ, получивших наименование «косыгинских». Однако догматическая часть партийно-государственного руководства взяла верх над группами более здравомыслящих экономистов и политиков. В результате были подавлены не только все течения политического и идейного инакомыслия, но и разумные экономические инициативы «в рамках системы».

Заканчивая свою «Книгу о социалистической демократии», я писал в 1969 году: «Наше общество и нашу идеологию можно сравнить со зданием, которое продолжает расти вверх, наращивая этажи, несмотря на то что многое в основании этого здания в силу различных причин устарело, обветшало и даже подгнило. Крепкие опоры еще есть, но их становится все меньше и меньше. Излишне говорить насколько опасно для страны такое ослабление основ нашего общественного здания. Имеется, однако, немало людей в руководстве партий и государством, которые не хотят видеть никаких трещин в фундаменте нашего общества и не желают заменять его обветшавшие части. Имеются, впрочем, у нас и такие люди, которые хорошо видят многие недостатки и трещины в фундаменте нашего здания... и которые требуют немедленно убрать все ослабевшие или треснувшие опоры нашей общественной системы, хотя у этих людей нет ни материалов, ни идей, способных заменить устаревшие части фундамента, которые хотя и плохо, но все же удерживают наше огромное и продолжающее расти вверх здание. Нам предлагаются лишь какие-то временные и еще не испытанные на прочность подпорки. А то обстоятельство, что после подобной замены все здание может рухнуть, не слишком беспокоит этих решительных людей. Но мы не можем разделить этих позиций и предложений. Не закрывая глаза на недостатки и пороки нашего общества, мы должны достаточно быстро, но вместе с тем с величайшей осторожностью заменять устаревшие части фундамента, определяя на их место нечто гораздо более прочное и надежное. Одновременно должны проводиться работы по улучшению жизни на всех этажах нашего общественного здания. Вся эта деятельность может быть только постепенной и последовательной, здесь трудно рассчитывать на какой-то быстрый и решительный поворот. Новое может быть создано лишь из того чело-

веческого и иного материала, который был накоплен на прежних этапах общественного развития. Иными словами, нас ждет кропотливая и трудная работа, которая и составляет, по нашему мнению, главную задачу демократического движения, возникшего среди здоровой части партии»⁴. В начале 70-х годов моя книга была издана не только в Западной Европе и США, но также в Японии и в Латинской Америке. Однако в Советском Союзе эта книга привлекла внимание лишь нескольких моих друзей и КГБ⁵.

Реформаторы пришли к власти в СССР и в КПСС только во второй половине 80-х годов. Однако начатые ими преобразования оказались, противоречивыми, непоследовательными и непродуманными. Реформы начались не с осторожного укрепления фундамента и несущих конструкций, а где-то на верхних этажах здания. К тому же они проводились очень недружной, не очень сильной и малокомпетентной командой. При этом сохранялась как непомерная централизация, так и субъективизм, которые многократно увеличивали масштабы ошибок. Работа этой реформаторской команды не смогла преодолеть, но кое в чем даже усилила опасные диспропорции в советской экономике между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелой и легкой промышленностью, между военно-промышленным комплексом с его наукоемкими отраслями и многими другими отраслями народного хозяйства, мало продвинутыми в научно-техническом отношении. Амбициозные начинания конца 80-х годов привели к быстрому росту государственных расходов, внешнего и внутреннего долга и к ухудшению материального положения трудящихся. Это в свою очередь быстро размыло и без того не слишком прочную и массовую поддержку реформаторов. Слова о кризисе, справедливые для конца 60-х и 70-х годов, оказались еще более актуальными в конце 80-х годов. Справиться с этим кризисом руководство страны и партии не смогло, и в обществе стали доминировать стихийные процессы, ведущие к дезинтеграции и расколу. Итоги известны. Они стали закономерным результатом ошибочной, а во многих отношениях даже авантюристической политики предшествующих десятилетий, хотя многие теоретики и публицисты КПРФ и других радикальных левых партий об этих итогах продолжают говорить и писать как о «загадке века».

А был ли социализм?

Неожиданное и быстрое крушение коммунистических режимов в СССР и в странах Восточной Европы снова сделали социализм и как идею, и как общественный строй предметом полемики и политической борьбы. Решительная критика как сталинского тоталитаризма, так и более поздних авторитарных систем быстро переросла у нас в стране в критику марксизма и ленинизма, а затем и самой идеи социализма. По мнению популярных публицистов «перестройки» Александра Ципко и Ларисы Пияшевой, идея социализма являлась лишь «боковой», маргинальной и малозначительной идеей XIX века. Поэтому она неправомерно заняла столь большое место в жизни XX века. Это была странная попытка оспорить идеологический и политический выбор не менее чем трети человечества, решившего идти дальше по пути социализма. Нетрудно убедиться в том, что в XIX веке социализм не был каким-то мощным идеологическим движением. Однако тупик, в который зашел мировой капитализм в первой половине XX века, две мировых войны, фашизм, колониализм и империализм, – все это закономерно выдвинуло социализм и как идею, и как практическую задачу, и как альтернативу капитализму в сознании народов многих стран мира.

Известно, что в России идеи социализма были связаны не только с именами Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. К идеям и концепциям социализма с уважением относились и такие

⁴ Медведев Р. А. Книга о социалистической демократии. Амстердам – Париж, 1972. С. 298–299. См. также: *Medvedev Roy. On Socialist Democracy*, NY – London, 1975. P. 331–332.

⁵ Письмо КГБ в Секретариат ЦК КПСС от 21 декабря 1970 г. // Источник. 1994. № 2. С. 77–78.

крупнейшие русские философы и мыслители, как Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, К. Лосский, В. Розанов, Г. Федотов, П. Флоренский, С. Фрэнк, Л. Шестов и некоторые другие, хотя никто из них не считал себя марксистом. Российский публицист Г. Тульчинский писал об этом с большим сожалением. Все эти люди, – писал Г. Тульчинский, – глубоко заблуждались. «В работах Ф. фон Хайека, К. Поппера, М. Вселенского, М. Джиласа, И. Шафаревича достаточно убедительно и с различных позиций раскрыт смысл социализма не только как несостоятельной практической программы, ведущей общество в исторический тупик, но и как самопротиворечивой теоретической концепции. Мы поэтому должны отказать социализму в самостоятельной правоте»⁶. Сегодня в Москве можно приобрести и прочесть работы всех указанных Г. Тульчинским авторов и убедиться – чьи доводы являются более обоснованными. Критика социализма звучала и в XIX веке, но почти все противники этой идеи критиковали обычно какую-то собственную концепцию социализма.

Сомнения в правоте и достоинствах социализма не только как несовершенной практики, но и как идеи охватили в самом конце XX века даже многих приверженцев социализма. Это вызвало тревогу у людей, которые продолжают считать себя социалистами. Российский философ и публицист Григорий Водолазов писал: «Увы, и рукописи горят, и прекрасные идеи довольно часто гибнут, не оставляя и следа. Социалистической идее, одной из древнейших и великих политических идей, угрожают сегодня три главные опасности. Первая исходит от ее прямых недругов вторая от «друзей», что хуже недругов, и третья от неумения ее сторонников придать этой идее новые, соответствующие нашему времени очертания, перевести ее с языка горных вершин идеологических абстракций на язык конкретных политических программ. Нельзя позволить умереть великой идее!»⁷ «Социализм, – развивал ту же мысль философ Александр Бузгалин, – переживает кризис, но не крах. Для преодоления этого кризиса нужно осмыслить героический и трагический опыт борьбы за социализм в XX веке и выработать новую теорию и стратегию, выдвинуть новые левые идеи, достойно отвечающие на вызовы третьего тысячелетия»⁸. Но чтобы выдвинуть новые концепции и политические программы социализма, надо посмотреть, что произошло с прежними концепциями и программами. Какой социализм был построен в СССР, и было ли советское общество социалистическим?

Социализм был построен в Советском Союзе, – утверждали одни авторы, – и этот социализм был вполне адекватен идеям Маркса и Ленина. Но он был ужасен. «В России родился именно социализм, – заявлял один из наиболее радикальных московских публицистов начала 90-х годов А. Шер. – И этот ужасный строй полностью отвечал определениям социализма. Понятие “сталинизма” – это жульнический термин-громоотвод, придуманный для того, чтобы свалить вину социализма на одного злоумышленника – Сталина, который был типичным продуктом системы. Вину за зверства сталинизма несут утописты, коммунисты, социалисты, анархисты всех стран, породившие коварные идеи коллективизма. Виноваты все левые властолюбцы, карьеристы, фанатики, попутчики, а также наивные рабочие и крестьяне, виноваты идеалисты, поверившие в сказки о будущем рае, виноваты сартроиды, отравлявшие мозги ложью социализма и защищавшие красное чудовище, – вся та многочисленная армия заблуждения, зависти и честолюбия, которая навязала социализм России, Китаю, Югославии, Кубе, Албании, Гвинее, Алжиру, Ираку и распространяла по всему миру яд коллективизма»⁹. Даже такой убежденный и решительный противник всех видов и форм социализма, как Игорь Шафаревич, был мягче. Он соглашался с тем, что советский социализм полностью отвечал идее

⁶ Вопросы философии. 1995. № 3. С. 84.

⁷ Левая газета. 1993. № 17.

⁸ Свободная мысль. 1996. № 2. С. 71–72.

⁹ Куранты. 1993. 16 апреля.

социализма, которая является воплощением античеловеческих и антигуманных сил, существующих издревле. Именно социализм в России пытался уничтожить семью и религию, частную собственность и индивидуальность. Но люди невиновны во временных победах социализма. «Социализм вечен и неизбежен, как неизбежна борьба жизни со смертью. И люди, охваченные социалистической идеологией, столь же мало руководствуются осознанно этой целью»¹⁰.

Были, конечно, и прямо противоположные суждения. Социализм был построен в Советском Союзе, и это было замечательное достижение. Как писала в одном из марксистских журналов Елена Ткачева: «Еще до войны наша страна преодолела безграмотность и духовное рабство народа перед господами. Уже 30-е годы были в СССР золотым веком таланта и трудолюбия. У нас были театры и артисты, музыканты и писатели, художники и спортсмены такого дарования, какого не знала ни одна западная цивилизация. Все это было результатом того, что строительство социализма шло у нас под руководством И. В. Сталина, который убирал целые слои паразитов – биржевиков и банкиров, коммерсантов и других кровососов, которые процветают при капитализме. Наши деды и отцы строили общество социальной справедливости, и это вызывало глубокое уважение к Советскому государству лучших людей западных стран»¹¹. Однако Сергей Кара-Мурза считал, что не при Сталине, а после его смерти начался «золотой век» советского социализма. «Надо честно сказать людям, – утверждал он, – так хорошо жить, как во время послесталинского советского социализма, большинство наших граждан не будет очень долго, и возможно, никогда. Советский социализм в целом был уникальной, чудесным образом достигнутой точкой во всем пространстве социально-экономических ситуаций. Сейчас даже трудно объяснить, как нас занесло в эту точку – настолько маловероятно было в нее попасть. Мы должны преклониться перед русским народом первой половины XX века. Он самоотверженно, на своих костях построил доброе, спокойное, экономное и щедрое общество. Хозяйство в нем было необычайно, необъяснимо эффективным. Множество сил объединилось, чтобы нас с этой точки столкнуть, и это удалось»¹².

Я хорошо помню и сталинское и брежневское время в жизни советского общества, и я не могу разделить восторгов ни Е. Ткачевой, ни С. Кара-Мурзы. Я не могу, конечно, поддержать и гневных тирад И. Шафаревича и А. Шера. Я верил в социализм, но не был никогда удовлетворен положением дел в советском обществе.

Выше я привел крайние точки зрения, у которых вряд ли найдется много сторонников. Чаще приходится встречать другое утверждение: никакого социализма в Советском Союзе не было построено ни как общественной и экономической системы, ни как народного или пролетарского государства. Один из создателей концепции «развитого», потом и «реального» социализма в СССР Анатолий Бутенко утверждал теперь во многих публикациях, что никакого социализма в Советском Союзе не было. «Ни один уважающий себя социолог или политолог никогда не назовет социализмом строй, который был построен в СССР, – заявлял А. Бутенко. – Никакого социализма: ни гуманного, ни демократического, ни с человеческим лицом, ни без него, ни зрелого, ни недозрелого у нас никогда не было. Это была бюрократическая система, в которой и средства производства, и политическая власть отчуждены от трудящихся»¹³. С А. Бутенко был согласен и философ Игорь Чубайс, приверженец русской идеи, выступающий и против коммунистов, и против либералов, возглавляемых его младшим братом А. Чубайсом. По утверждению И. Чубайса, иностранные захватчики не нанесли СССР такого урона, какой нанесла советская власть. Коммунистическая власть уничтожила живую душу России – ее церкви, ее монастыри – источники отечественной культуры, чтобы на место

¹⁰ Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977. С. 376.

¹¹ ИЗМ. 1993. № 3. С. 34–35.

¹² Советская Россия. 1996. 10 сентября.

¹³ Советская Россия. 1996. 31 октября.

выкорчевываемой русской идеи вбить идею коммунистическую. Это была катастрофа, превзошедшая по своим масштабам даже кошмар холокоста, хотя все это и по сей день скромно называют «незаконными репрессиями периода культа личности». Но это не было социализмом. Относительно проводившейся в годы перестройки дискуссии замечу, что в СССР не было никакого социализма – ни подлинного, ни развитого, ни с некоторыми искажениями.

Но если в СССР не было социализма, то какое общество и какая социально-экономическая система была построена и в течение 70 лет существовала в нашей стране? Разные авторы называют ее по-разному: азиатским способом производства, государственным капитализмом, бюрократическим капитализмом, просто тоталитаризмом. Философ Ю. И. Семенов называл советский общественный строй политаризмом¹⁴, то есть господством не народа, а чиновников. Макс Шахтман писал о бюрократическом коллективизме или о бюрократическом капитализме. Социолог А. Тарасов называл советский строй этатизмом или «суперэтатизмом»¹⁵.

В посмертно изданной монографии одного из самых крупных советских обществоведов Я. А. Кронрода для обозначения советского строя вводился термин «соцолигархизм». «Это общественное новообразование, – утверждал автор, – которое выпадает из общей генеральной цепи исторического развития и включает в себе существенные элементы паразитизма и загнивания. Структура эта представляет собой антагонистически противоречивое соединение формально социализированного базиса с господством соцолигархии, которая паразитирует на этом базисе, присваивая себе все большую часть общественного продукта, все глубже и глубже деформируя базис и направляя его эволюцию в сторону перерождения в тупиковую историческую форму»¹⁶. Каких только терминов не предлагали разные авторы!

Милован Джилас называл советское общество «индустриальным феодализмом», а Михаил Вселенский – «государственным феодализмом». Политолог Олег Вите придумал термин «социальное промышленно-феодалное общество», социолог Овсей Шкаратан и юрист Георгий Шахназаров писали об «этатизме» и «тотальной идеократии». Греческий советолог К. Костроиадис писал о «стратократии», то есть об обществе, где правят военные. Философ Петр Абовин-Егидес называл советское общество «элитаризмом», или господством элиты. Одно из наиболее оригинальных наименований для советского общества придумал Вадим Флоров из Академии космонавтики. Он называл это общество «заслугизмом» или «меритизмом» (от английского *merit* – заслуга). Различного рода заслуги перед обществом выполняли, по мнению В. Флорова, функцию капитала, а все заслуженные люди или «заслугисты» выполняли роль собственников этого капитала. «В лице заслугистов бюрократия получила свою тотально-завершенную форму – заслугократии. Социально-политическая система, которая была выдана и принята за социализм, являлась по сути системой отношений частной собственности и эксплуатации. Мы будем называть ее заслугизмом»¹⁷.

Полемика по поводу наименования и определения природы советского общества нередко была связана с разным пониманием природы и определения самого социализма. Склонный к парадоксальным идеям философ Александр Зиновьев еще задолго до перестройки пытался доказать, что только советский социализм и может считаться подлинным, или «классическим» социализмом или даже «классическим» коммунизмом. При этом А. Зиновьев утверждал, что советский режим обладает не только множеством достоинств, но и невиданной прочностью, и поэтому не может погибнуть. «На Западе, – отмечал А. Зиновьев, – много писали о старении советского социального строя. Суждения такого рода суть элементарная чепуха. Коммунистическое общество так стабильно, что в нем просто не могут развиваться силы, которые были

¹⁴ Независимая газета. 1996. 31 января.

¹⁵ Вопросы истории. 1998. № 7. С. 38.

¹⁶ Кронрод Я. А. Очерки социально-экономического развития XX века. М., 1992. С. 198.

¹⁷ Диалог. 1995. № 8. С. 55–56.

бы способны разрушить его изнутри. Бессмысленно надеяться на какие-то радикальные перемены этого общества в сторону западных демократий, обусловленные внутренними потребностями коммунистических стран. Что касается стабильности в смысле целостности страны, то коммунистические страны развивают беспрецедентные в истории средства для этого»¹⁸. После неожиданного и быстрого распада СССР всего коммунистического лагеря А. Зиновьев изменил свои концепции очень незначительно и повторил приведенное выше утверждение¹⁹. Естественно, что разрушение СССР и других коммунистических режимов философу пришлось объяснять не внутренними, а внешними причинами.

Сегодня нет необходимости полемизировать с А. Зиновьевым, который во взглядах на советский коммунистический режим проделал противоположную по направлению эволюцию по сравнению с Александром Ципко или Александром Яковлевым. Советский коммунистический режим был очень прочным, но далеко не во всех отношениях, и это вполне объяснимо. Ни в XIX, ни в XX веках социализма не существовало в виде ясного и определенного проекта, и я об этом буду писать ниже. Его невозможно было поэтому строить по заготовленным заранее и многократно проверенным в теории и на практике чертежам, расчетам и схемам. Приходилось идти вперед путем проб и ошибок, набрасывая каждый раз лишь приблизительные рабочие эскизы. Неудивительно, что здание советского социализма оказалось не только не слишком красивым и привлекательным, не слишком удобным для его обитателей, но и не особенно прочным, хотя оно и выглядело весьма величественным или пугающим – в этих оценках люди могли расходиться. При нашей трудной истории в СССР и не могло быть какой-то завершенной или совершенной социалистической системы. Да и никто пока не знает – какой именно должна быть «образцовая» социалистическая система – она еще нигде не была создана – ни в теории, ни на практике. Тем не менее многие отношения, общественные институты и нормы жизни, которые принято считать социалистическими и о которых мечтали все социалисты XIX века, в СССР были созданы. Некоторые из них перенимались даже в западных странах. Я согласен поэтому с историком и публицистом В. А. Миндолиным, который писал: «В самом деле, являются ли элементами социализма относительная социальная защищенность, включающая гарантии от безработицы, относительное социальное равенство, равные условия образования, бесплатное здравоохранение, государственная поддержка науки и культуры? Да, являются. Сегодня это любят называть социальным государством. Но теоретически и практически импульсы ко всему этому дала отнюдь не буржуазная благотворительность, пусть и государственная, не либерализм, а социалистическая мысль, социалистическое движение и деятельность советского государства после Октября 1917 года»²⁰.

«Был ли у нас в стране социализм? – спрашивал философ Георгий Шахназаров и отвечал: – На этот счет не может быть никаких сомнений. Поскольку в организацию советского общества был заложен принцип, который мы называем сегодня социальной защищенностью, то есть обеспечение минимума материальных и духовных благ каждому члену общества. Другой вопрос, насколько позволяли провести этот принцип в жизнь исторические условия развития Советского государства и в какой мере он был искажен при формировании нового бюрократического слоя и милитаризации страны. Нужно также принимать во внимание, что это была всего лишь одна из возможных моделей социалистического развития»²¹.

Такого же мнения придерживались и многие объективные западные исследователи. Так, например, известный польский социалист и участник движения «новых левых» Адам Шафф писал: «Правда находится в большом противоречии с теми упрощенными подходами, к кото-

¹⁸ Kommunismus als Realität. München, 1980. P. 401.

¹⁹ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 276, 368.

²⁰ Октябрьская революция 1917 года и проблемы современности. Новосибирск, 1993. С. 23.

²¹ Коммунист. 1991. № 4. С. 31.

рым прибегают мечтатели, чтобы увильнуть от критики социализма. Они утверждают, что режим, который не отвечает их идеологическим моделям, не есть социализм. Но ведь может существовать и деформированный режим, исторически искаженный, но возникший в итоге свержения капиталистических порядков, а значит, хотя бы в этом смысле заслуживающий прилагательного “социалистический”. Так именно и обстоит дело со странами “реального социализма”»²².

Социализм как мировоззрение явно преобладал в сознании людей моего поколения, то есть людей, родившихся в 20-е годы и получивших образование и воспитание еще до войны, во время войны и после войны. Да, конечно, мы многого не понимали и многое идеализировали, но были уверены, что в чем-то главном мы думаем и поступаем правильно. Уверен, что и для людей, родившихся в 30-е годы, социализм также был преобладающим мировоззрением. А ведь идеи, овладевшие умами десятков миллионов людей, это уже реальная общественная сила. Наш социализм был ограничен и примитивен, но он не был полностью ошибочен. И нет никаких оснований полностью от него отречься.

К определению социализма

В исследованиях по истории социализма и социалистических идей многие авторы начинают с очень давних времён. Мечты и мысли о справедливом обществе, в котором все люди будут жить без голода и нужды, где труд перестанет быть проклятием, где люди будут помогать друг другу, где не будет войн и убийств, где будет радостным детство и спокойной старость, возникали у людей еще в античные времена, и они вошли почти во все религии. Некоторые из авторов находили признаки социализма в жизни ранних христианских общин: все члены этих общин были равны если не перед законом, то перед Богом. Сходные доктрины появлялись и в Древнем Китае, в Индии, на Арабском Востоке, в рамках конфуцианства, буддизма, даосизма, а позднее и мусульманства. Во времена Позднего Средневековья в Западной Европе появились новые развернутые гуманистические концепции, которые мы называем теперь утопическим социализмом.

Первым был в этом движении общественной мысли Томас Мор (1478–1535) с его золотой книгой о наилучшем устройстве государства и о новом острове «Утопии», которая вышла в свет на латинском языке в 1516 году. Более чем через сто лет и также на латинском языке вышла в свет книга другого великого утописта Томмазо Кампанеллы (1568–1639) – «Город Солнца». К началу XIX века это течение общественной мысли насчитывало уже много имен. Однако общий для него термин или понятие «социализм» появилось только в самом начале 30-х годов XIX века. В научный и политический оборот этот термин ввел Пьер Леру (1797–1871), французский философ, один из основателей христианского социализма, считавший себя последователем А. Сен-Симона. П. Леру основал в 1824 году газету «Глоб» («Le Globe»). В этой газете за 13 февраля 1852 года Тимур Тимофеев и встретил, по-видимому, первое употребление термина социализм»²³. Уже в 1833 году упоминание о «социалистическом движении» и о «борьбе за социализм» можно было встретить в публикациях последователей Роберта Оуэна в Англии, а потом и в других странах Европы. Слово «социализм» происходило от латинского термина «sociales» – общественный, социальный, коллективный. По мнению П. Леру, социалисты – это люди или движения, которые руководствуются в первую очередь интересами всего общества, интересами народа и коллектива, выступают за равенство граждан, эмансипацию женщин, самоуправление общин, за уничтожение бедности и мораль-

²² Социализм будущего. Москва – Мадрид, 1990–1992. № 2. С. 25.

²³ Рабочий класс и современный мир. 1983. № 3. С. 13.

ное совершенствование. «Началу индивидуалистическому, – писал П. Леру, – противостоит начало общественное, социалистическое».

Понятие «коммунизм» появилось на несколько лет позже. В научный и политический оборот его ввели Этьен Кабе (1788–1856), французский революционер и публицист, историк и утопист, опубликовавший в 1840-м году сразу две книги: «как я стал коммунистом» и «Путешествие в Икарию» и Вильгельм Вейтлинг (1808–1871), немецкий рабочий, революционер и публицист, автор известных в свое время книг: «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть» (1858) и «Гарантии гармонии и свободы» (1842). О Кабе Маркс писал как о «самом популярном, хотя и самом поверхностном представителе коммунизма». Книги Вейтлинга Маркс и Энгельс называли «блестящим литературным дебютом немецких рабочих», положившим начало самостоятельному теоретическому движению немецкого пролетариата. Слово «коммунизм» происходило от латинского слова «communis» – общий, и выражало мысль не только об общественных или общих интересах, а об общности имущества и коллективной, совместной жизни людей. Социалисты настаивали на уважении общественных интересов и улучшении жизни социальных низов. Коммунисты были более радикальны, они требовали полного обобществления собственности, их целью было «полностью заменить старый общественный строй совершенно новым, где каждый трудится по своим способностям и потребляет, сколько может»²⁴.

Это различие между понятиями «социализм» и «коммунизм» не казалось важным в XIX веке. Но в XX веке оно не раз становилось причиной ошибок и в теории, и на практике. В название СССР входило понятие «социалистический», но многие говорили о «коммунистическом режиме». Общественные науки не принадлежат к числу точных. Это не избавляет нас от необходимости более или менее точных определений. Философ А. Зиновьев говорил, что он собрал около ста определений социализма. Один из американских ученых писал, что в его коллекции имеется около четырехсот таких определений. Я собрал около пятидесяти определений социализма, с большей частью которых мне трудно согласиться. Есть много совершенно вздорных определений, которые придуманы специально для того, чтобы вызвать неприязнь к социализму или выразить какие-то собственные комплексы. Русский религиозный философ А. Лосев (1893–1988) определял социализм как «Соединение безбожного папства с безбожным экономизмом. Социализм – это один из мифов иудаизма, выражающих таинства каббалы и торжество Израиля. Веление каббалы таково, чтобы капитализм сменился социализмом, ибо социализм ближе выражает сущность каббалы, чем капитализм, хотя в целом и то и другое есть необходимые диалектические этапы исторического развертывания каббалы вообще»²⁵. Такой же экзотический характер имеют и суждения И. Шафаревича.

«Социализм, – по определению И. Шафаревича, – это один из аспектов стремления человечества к самоуничтожению, к Ничто, это проявление самоуничтожения в области организации общества»²⁶. В обоснование своего определения и понимания социализма, Игорь Шафаревич приводил не раз одну из песен времен Гражданской войны в России, в которой есть и такие слова:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это!

²⁴ Союз коммунистов. 1836–1849: сборник документов. М., 1977. С. 161.

²⁵ Вестник архива Президента РФ. 1996. № 4. С. 122–125.

²⁶ Шафаревич И. Р. Указ соч. С. 374.

Александр Зиновьев определял социализм как «общество, в котором все люди суть служащие государства»²⁷. Фактически он повторял здесь одно из определений В. И. Ленина, который писал, что при социализме «все граждане превращаются в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного синдиката»²⁸. Но у Ленина можно встретить и много других определений, например: «Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны», «Социализм – это строй цивилизованных кооператоров» и др. Очень многие авторы выдвигают на первый план в своих определениях гуманистический характер социализма – отсутствие любых форм угнетения и дискриминации, произвола и насилия, создание условий гармоничного развития всего общества и каждого из его членов, равноправие перед законом и т. п. Известный советский юрист Сергей Алексеев писал: «Социализм – это гуманный, демократический общественный строй, в котором в соответствии с социалистической идеей общечеловеческие ценности и достижения цивилизации поставлены на службу человеку и его высокому положению в обществе»²⁹. И Маркс и Энгельс считали главным признаком социализма господство общественной собственности на средства производства, полагая, что социализм является первой фазой бесклассового общества, или коммунизма. Большинство советских авторов также настаивали на том, что именно общественная собственность на средства производства – это «коренной и сущностный признак социализма»³⁰.

Однако некоторые из авторов настаивали на важности развития при социализме кооперативной и групповой собственности и самоуправления. Один из немецких ученых и социал-демократов Томас Майер утверждал, что социализм как общественный строй «не определяется какими-либо институтами, формами собственности или планирования. Социализм – это целенаправленный процесс, идущий по принципам равной свободы в условиях солидарности»³¹.

Расходились в определении понятия «социализм» и словари, и энциклопедии. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона социализм определялся как «система народного хозяйства, при которой орудия производства, то есть земля и капитал (заводы, фабрики, железные дороги и проч.), являются общей собственностью всех трудящихся; труд и производство, а равно распределение продуктов труда организованы таким образом, что эксплуатация одних членов общества другими становится невозможной. Все трудящиеся при равных обязанностях облечены равными правами в пользовании плодами своего труда»³².

Самая первая из советских энциклопедий определяла социализм как «общественный строй, покоящийся на общественной собственности на средства производства, на организованном по плану общественном производстве и на отсутствии классов и эксплуатации»³³.

В более поздних энциклопедиях в определение социализма включены не только указания на общественную собственность на средства производства как экономическую основу социализма, но и на «власть трудящихся масс при руководящей роли рабочего класса во главе с марксистско-ленинской партией»³⁴ – как на политическую основу социализма.

Словарь по политэкономии давал несколько более содержательное определение социализма как «общественного строя, при котором целью и мерилом экономического и социального прогресса становится развитие человеческой личности, его становление связано с достижением высочайшего уровня производительных сил, утверждением всесторонней демократии.

²⁷ Экономические науки. 1991. № 7. С. 106.

²⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений (далее – ПСС). Т. 33. С. 101.

²⁹ Алексеев С. С. Перед выбором. М., 1990. С. 145.

³⁰ Курашвили Б. П. Новый социализм. М., 1997. С. 18.

³¹ Свободная мысль. 1997. № 6. С. 99.

³² Малый энциклопедический словарь. Т. 4. СПб., 1909. С. 602.

³³ Малая советская энциклопедия. М., 1931. Т. 8. С. 225.

³⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 24. Ч. 1. М., 1976. С. 222.

Историческое призвание социализма – освобождение человека от эксплуатации, всех форм угнетения. В основе экономического строя социализма лежит высокий уровень обобществления производства, преобладание общественной собственности в различных формах»³⁵.

Американская энциклопедия давала следующее определение: «Социализм – это доктрина, провозглашающая общественную собственность или общественный контроль над основными средствами производства. Она ставит целью достичь более равного и эффективного распределения общественного богатства и большую степень экономического планирования, чем при капитализме»³⁶.

Новая Британская энциклопедия разъясняла понятие социализма так: «Социализм – это система социальной организации, в которой частная собственность и распределение доходов находятся скорее под общественным контролем, чем «определяются индивидуумами, преследующими собственные интересы, или рыночными силами капитализма»³⁷.

Лично я предпочел бы взять за основу определение социализма из Новой Британской энциклопедии, дополнив его тремя последними строчками из американского определения. С таким пониманием социализма могли бы согласиться все основные течения социалистической мысли, хотя сторонники разных направлений и толкований могли бы пополнить данное определение указанием и на какие-то иные и более конкретные признаки социализма.

О концепциях научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса

Карл Маркс и Фридрих Энгельс не раз заявляли о том, что их главной задачей было обоснование исторической ограниченности капитализма и неизбежности его преобразования в социализм.

Во второй половине XIX века капитализм как общественно-экономическая система, строй или формация уже господствовал в Западной Европе и в Северной Америке. Его можно было поэтому изучать с помощью всех доступных в то время общественным наукам методов. К. Маркс был в этом деле не только одним из первых, но и наиболее успешным из всех философов и экономистов, которые стремились понять и определить природу и движущие силы капиталистического общества, его достижения и пороки, его классовую структуру, природу капиталистической эксплуатации, источники капиталистической прибыли, особенности рыночной экономики и всей системы товарно-денежных отношений. К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокий анализ исторического формирования капитализма из недр европейского феодального общества и создали стройную и убедительную концепцию происхождения и развития частной собственности, неравенства, классов и государства. Это был действительно научный анализ, научная концепция – в такой степени, в какой это было вообще возможно во второй половине XIX века. Но одно дело изучение прошлого и настоящего капиталистического общества, а другое дело изучение путей его будущей эволюции и развития.

В XIX веке социализм существовал только в умах, в желаниях, даже в мечтах социалистов и коммунистов, но он не существовал как реальность, которую можно было бы изучать и анализировать, как это можно было делать по отношению к капиталистическому обществу. Это понимал еще молодой Маркс. Объявляя себя коммунистом, он заявлял, что коммунизм для него не состояние, которое должно быть установлено, и не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Коммунизм – это действительное движение, которое должно уничтожить теперешнее состояние. «Мы не стремимся, – писал Маркс в 1843 году, – догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый

³⁵ Политическая экономия: словарь. М., 1990. С. 465.

³⁶ The Encyclopedia Americana. Vol. 25. 1987. P. 146.

³⁷ The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 10. Chicago etc., 1988. P. 926.

мир»³⁸. И в дальнейшем как Маркс, так и Энгельс многократно повторяли, что они не ставят своей целью «диктовать человечеству какие-то окончательные законы», «выражать заранее готовые мнения относительно деталей будущего общества»³⁹. Их социализм является научным в отличие от утопического социализма именно потому, что он опирается на научный анализ капиталистического общества и его противоречий, а не потому, что он может с научной точностью определить природу и устройство будущего общества, которое придет на смену капитализму. Социализм научен как критика капитализма, но как концепция будущего общества это только гипотеза, которую можно считать научной гипотезой, но которая не становится от этого объективной истиной, а остается всего лишь гипотезой.

В правильности своей гипотезы К. Маркс и Ф. Энгельс были уверены и в своих научных работах и в выступлениях пропагандистского характера, даже в переписке, Маркс и Энгельс высказывали не только убеждение в неизбежности крушения капитализма и социалистической революции, но и стремились заглянуть дальше, они пытались дать своим приверженцам некоторые представления о природе социализма. При этом речь шла как о самых общих принципах «правильного» и справедливого общества, так и о некоторых конкретных деталях и особенностях жизни людей при социализме, которые мало чем отличались от построений утопического социализма. «Социализм, – как утверждал Энгельс, – это строй, который обеспечивает всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей»⁴⁰. О социализме и Маркс и Энгельс писали говорили как об обществе, где будет торжествовать справедливость и внимание ко всем гражданам и где свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех. Его главный принцип – «от каждого по способностям и каждому по труду». Этот новый общественный строй возникнет не мгновенно. Будет и революция, движущей силой которой может стать только пролетариат.

В своем знаменитом письме к Иосифу Вейдемейеру К. Маркс писал еще 5 марта 1852 года, что он считает своей заслугой «доказательство того, что классы и классовая борьба связаны лишь с определенными историческими азами развития производства, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата и что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»⁴¹. Но доказать все это в середине XIX века было невозможно. Речь могла идти лишь о предположениях, гипотезах, намерениях, политических целях, но не об объективно установленных истинах. К таким же желаниям и гипотезам можно отнести и утверждение о том, что при социализме должно будет исчезнуть противоречие между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, даже о том, что в социалистическом обществе будет полностью ликвидирована частная собственность на средства производства как основа эксплуатации человека человеком. Именно из этого положения делался вывод о несовместимости социализма и товарного производства. Очень хотелось, чтобы в будущем обществе можно было обойтись без торговли. Нередко Маркс и Энгельс кроме приведенных выше общих характеристик будущего социалистического общества начинали говорить и о таких деталях, которые даже как гипотезы или предположения никак нельзя было назвать научными. Таких предположений было особенно много в «Манифесте Коммунистической партии». Мы можем найти в этом «Манифесте» не только утверждения об уничтожении частной собственности, но и об отмене при социализме права наследования. Авторы считают необходимым провести при социализме «учреждение промышленных армий, в осо-

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 379.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. С. 281–232; Т. 35. С. 124; Т. 36. С. 363–364.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 227.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 28. С. 427.

бенности для земледелия». Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми вызывали у авторов «Манифеста» отвращение они настаивали на «замене домашнего воспитания общественным», на «воспитании всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода в государственных учреждениях и на государственный счет». При социализме, по утверждению Маркса и Энгельса, будет экспроприирована земельная собственность. В руках государства будут находиться все кредитные учреждения, а национальный банк с государственным капиталом получит исключительную монополию. В руках государства окажется весь транспорт, а все хозяйства при социализме будет вестись по общему плану»⁴².

Конечно, «Манифест» не был научным произведением; как К. Маркс, так и Ф. Энгельс только начинали тогда свои научные исследования в области истории, философии и политической экономии. Однако именно этот программно-пропагандистский документ заметно повлиял на политическую и общественную мысль второй половины XIX века и первой половины XX века. О марксизме и его сторонники, и его оппоненты судили в первую очередь по «Манифесту», а не по «Капиталу», первый том которого был опубликован более чем через двадцать лет. Известно, что второй и третий тома «Капитала» были опубликованы только после смерти К. Маркса. Что касается «Экономических рукописей» Маркса, которые содержали подготовительные наброски к «Капиталу», то эти важные для понимания взглядов Маркса материалы стали известны только к середине XX века и были до сих пор предметом изучения и анализа лишь для узкой группы ученых-марксоведов.

Известно, что один из черновых вариантов «Манифеста» имел заголовок «Коммунистический символ веры». Иными словами, речь шла не о научных выводах, а о вере. Но именно «Манифест Коммунистической партии» разошелся по всему миру как главный документ марксизма; он был переведен более чем на 140 языков и издавался на протяжении ста лет после первого издания 1500 раз. Конкуренцию «Манифесту» в эти годы могла составить только Библия.

Утопизм был характерен и для многих других работ К. Маркса и Ф. Энгельса, которые появились в 60-е и 70-е годы XIX века. Современникам и последователям Маркса и Энгельса были хорошо известны их мысли и утверждения об отмирании государства при социализме, а также об отмирании денег, которые должны будут заменяться некими «трудовыми квитанциями» – бумажными удостоверениями на получение предметов потребления в соответствии с затраченным трудом. Более того, и Маркс и Энгельс пытались доказать, что в будущем обществе будет введен принцип равной оплаты за простой и сложный труд рабочего. Это странное предположение мотивировалось тем, что в социалистическом обществе профессиональное обучение будет проводиться за общественный счет и, стало быть, плоды этого обучения должны также доставаться обществу. Саму мысль о возможности в будущем дополнительной оплаты за сложный труд Энгельс весьма грубо называл «бесстыжей подтасовкой, подобную которой можно встретить разве только у разбойников пера»⁴³. Явно утопический характер имели и рассуждения Энгельса о разделении труда при социализме, «когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников»⁴⁴. Мысль о том, что сама профессия тачечников и землекопов исчезнет еще при капитализме, не приходила в то время в голову Энгельсу.

Следует сказать, что ни Маркс, ни Энгельс не настаивали на несомненной истинности некоторых своих предсказаний, особенно по некоторым частным вопросам. Уже после смерти

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 443, 446, 447.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 205.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 206.

К. Маркса в письме к Э. Пизу от 27 января 1886 года Энгельс замечал: «Наши взгляды на черты, отличающие некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности»⁴⁵.

К сожалению, Энгельс не пояснил – какие именно из его и Маркса предсказаний он считает «точными выводами из исторических фактов и процессов развития», а какие можно было бы отнести только к предположениям и догадкам, не имеющим «никакой теоретической и практической ценности».

Некоторые из учеников Маркса и Энгельса попытались еще при жизни отцов-основателей расширить и уточнить весьма расплывчатые картины будущего социалистического общества. Например, в книге Августа Бебеля «Женщина и социализм», первое издание которой вышло в свет в 1879 году, можно было найти не только рассуждения о новой роли женщины при социализме или утверждения об упразднении частной собственности и торговли, но и рекомендации по части более рационального использования лошадей в сельском хозяйстве, по расширению дорожного строительства и мелиорации земель и даже по части чистки ковров и уборки пыли из домов и квартир. Целый раздел этой книги был посвящен планам по упразднению частных кухонь, где женщины проводят слишком много времени и об устройстве «коммунистических кухонь»⁴⁶. Мысли о тракторах, кухонных комбайнах, микроволновых печах и холодильниках еще никому из учеников К. Маркса не приходили в голову.

Утопическое мифотворчество по поводу социалистического общества продолжалось среди самых авторитетных марксистов и после смерти Маркса и Энгельса. Так, например, в одной из программных лекций Карла Каутского, которая была издана в 1905 году и на русском языке под заголовком «На другой день после социальной революции», можно было прочесть, что после своей победы победивший пролетариат должен будет национализировать транспорт, рудники, леса и шахты. На большую часть других капиталистических предприятий, государство введет высокие налоги, которые должны будут привести эти предприятия к банкротству и к их замене общинами и товариществами. Не выдержит конкуренции социалистических общин и мелкое производство. Немедленной ликвидации будет подвергнут финансовый капитал, который, по мнению Каутского, не имеет никаких полезных функций в обществе. Весь этот капитал будет заменен облигациями и ценными бумагами общин. Везде будет проводиться внедрение передовой техники, интенсификация, что позволит значительно повысить заработную плату трудящихся. Получит большое развитие «интеллектуальное производство». Пролетариат не будет жалеть средств на развитие науки и искусства, но он также не будет навязывать деятелям науки и художникам какие-либо обязательные требования. В будущем обществе осуществится лозунг: «Коммунизм – в материальном производстве, анархизм – в интеллектуальном». Завершая лекцию, Каутский говорил: «Социализм принесет людям обеспеченность, спокойствие и досуг, он поднимет их душу выше будничных забот, ибо им не придется изо дня в день думать о хлебе насущном. Социализм сделает каждую отдельную личность независимой от других личностей и искоренит, таким образом, и холопские чувства, и чувство презрения к людям. Он сравнивает город и деревню; сделает доступным людям все сокровища богатой культуры и вернет им природу»⁴⁷.

Некоторые из известных марксистов конца XIX и начала XX веков возражали против подобного конструирования детального облика будущего общества. Известны возражения на этот счет Эдуарда Бернштейна, который в одной из своих лекций говорил: «Никакой *изм* не является наукой. Мы обозначаем *измами* воззрения, тенденции, системы мыслей или требо-

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 363–364.

⁴⁶ Бебель А. Будущее общество. М., 1959.

⁴⁷ Каутский К. Общественные реформы. М., 1905. С. 191–192.

ваний, но не науки. Фундаментом всякой истинной науки служит опыт, вырабатывающийся совокупным знанием. Социализм же есть учение о будущем общественном строе, почему ему и недоступен наиболее характерный элемент строгой научности»⁴⁸.

Дело, конечно, не в суффиксах. Можно и сейчас назвать немало вполне научных направлений и концепций, которые имеют окончание «изм»: дарвинизм, менделизм, фрейдизм, бихевиоризм и др. Но во многом другом с Бернштейном можно было бы согласиться. Даже сегодня, когда существуют более совершенные, чем в XIX веке, методы прогнозирования социальных процессов, когда возникла футурология, мы не можем с уверенностью говорить о будущем общественном строе. Но мы можем уже анализировать все то, что произошло в XX веке – в том числе и в СССР в годы нашего «реального социализма».

Пытаясь защитить марксизм от критики, некоторые из авторов утверждали, что учение о социализме и коммунизме было не особенно важной частью доктрины даже и для самих отцов-основателей. С этим нельзя согласиться. Карл Маркс, несомненно, был великим философом и великим экономистом, но его влияние на общественную мысль и социально-политические движения XIX и XX веков связано с доктринами об особой роли и об исторической миссии пролетариата, который через революцию должен стать господствующим классом в обществе и привести человечество к социализму и коммунизму. Именно эта часть учения К. Маркса и Ф. Энгельса является главной и завершающей частью марксизма, хотя именно эта часть марксизма содержала значительные элементы утопических представлений и нуждается поэтому в самых существенных коррективах.

Среди советских историков и философов было немало таких, кто никогда не ставил под сомнение ни одно из высказываний Маркса и Энгельса о социализме и коммунизме. Но было немало и таких, кто понимал историческую ограниченность или, вернее, исторически обусловленную ограниченность марксизма во всех его составных частях и особенно в концепциях Маркса и Энгельса по поводу социализма и коммунизма. Как писали, например, И. Пантин и Е. Плимак: «Маркс и Энгельс нередко допускали ошибки, порой принципиального свойства. Но Марксов «Проект будущего» был в сущности поисковой моделью, не несущей в себе никаких критериев истинности или неистинности ее предсказаний. Критерием могла стать только реальная историческая практика социализма, которая в XIX веке практически не существовала, если не считать кратковременного эксперимента парижских коммунаров 1871 года, в бессознательной деятельности которых не было, по выражению Маркса, «помимо их тенденций» вообще «ничего социалистического»⁴⁹.

Такой же тезис, хотя и другими словами, выдвигал и В. И. Игнатьев в небольшой, но очень содержательной статье: «Возможна ли целостная теория социализма?» Автор писал: «Исторически первичным объектом (в научном социализме. – Р. М.) выступает капитализм досоциалистической эпохи, времен К. Маркса и Ф. Энгельса. Создаваемое на основе отображения этого объекта теоретическое знание могло носить исключительно гипотетический характер, поскольку коммунизма еще не существовало. Это знание относится к абстрактно-теоретическому описанию социализма, получаемому путем распространения на сущностные черты данного общества выводов о путях и формах разрешения основных противоречий капитализма»⁵⁰.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что сам термин «научный социализм» не является вполне корректным, так как и оппоненты и сторонники марксизма нередко понимали эту часть учения Маркса как научное описание и анализ именно социалистического общества. Но такой анализ в XIX веке был невозможен и отцы-основатели на него не претендовали. В их понимании научный социализм – это отнюдь не наука о будущем социализме, а не более

⁴⁸ Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? // Философское общество СССР: сборник. М., 1991. С. 7.

⁴⁹ Коммунист. 1990. № 4. С. 39.

⁵⁰ Социально-политические исследования. 1991. № 4. С. 24.

как наука о еще более далеком коммунистическом обществе. Это – научный анализ, который приверженцы социализма или ученые, открыто выступающие как защитники интересов рабочего класса, проводят в отношении современного им общественного устройства, то есть реальной действительности XIX века, а также всей истории человечества, включая происхождение самого человека и человеческого общества. Стоит вспомнить в этой связи слова Энгельса из его работы «Развитие социализма от утопии к науке», что современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, с другой – царящей в производстве анархией»⁵¹.

«Для нас с Марксом, – говорил в другой работе Энгельс, – социализм был в первую очередь социалистической критикой капиталистического способа производства»⁵². Понятно также, почему К. Маркс весьма жестко ответил одному из авторов, находившему в его учении своеобразную модель социалистического общества: «...я никогда не возводил социалистической системы...»⁵³

Это обстоятельство нередко ставило в тупик тех оппонентов марксизма и противников социализма, которые, начиная свой критический анализ, обнаруживали, что никакого развернутого учения о социализме как новой общественно-экономической формации у Маркса не было, что Маркс и Энгельс и не ставили своей задачей создавать какой-то детальный проект социалистического общества и механизмов его функционирования. Они говорили лишь о тенденциях, о целях и предлагали некоторое число гипотез.

Еще в 1922 году в условиях НЭПа в Советской России появилось множество небольших частных издательств и немарксистских изданий. В Петрограде начал выходить журнал «Экономист», в котором подвергалась критике экономическая политика большевиков. По требованию Ленина это издание было вскоре запрещено, а большую часть редакторов выслали из страны. На короткое время основатель «Экономиста» Б. Бруцкус (1874–1938) возобновил работу журнала в Берлине. Его критика экономической политики большевиков была в основном совершенно справедливой, но она совсем не затрагивала основ марксизма. В. Бруцкус писал с некоторым недоумением: «Приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал»⁵⁴. Но в этом факте нет ничего поразительного. Хотя и Маркс и Энгельс и пытались предсказать те или иные особенности социализма, они не пытались и не могли разработать какую-то теорию социалистического строя. В XIX веке это было невозможно. К сожалению, в этом направлении мало что было сделано и в XX веке.

Ленинизм. Социалистическая идея и социалистическая практика

В. И. Ленин принимал и разделял марксизм во всех его составных частях. Но Ленин работал над своими концепциями в другое время, в другой стране и в иной – российской общественно-политической обстановке, которая существенно отличалась от обстановки в Западной Европе во второй половине XIX века. В социалистическом движении начала XX века Ленин и большевики занимали наиболее радикальные позиции на крайне левом политическом фланге этого движения. К тому же для Ленина концепции социализма и социалистической революции были не только теорией. С 1917 года они стали для него и практикой повседневной рево-

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 189.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 154.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 372.

⁵⁴ Вопросы экономики. 1990. № 8. С. 134.

люционной борьбы и первых попыток по созданию элементов социалистической экономики и социалистического общества.

До начала 1917 года Ленин говорил о социализме как о цели политической борьбы российских социал-демократов, не вдаваясь в подробности того, что именно нужно понимать под социализмом. В любом случае, как и другие российские социал-демократы, Ленин был тогда убежден, что вводить социализм в России «было бы величайшей нелепостью», что его надо не вводить, а только «проповедовать», ибо социализм «непосредственно, сразу, без переходных мер в России неосуществим»⁵⁵ – социализм как общественный строй начнется в более развитых западных странах. Дело российских социалистов поддержать Запад, даже начать мировую революцию. Но создавать и укреплять социалистическое общество российские социалисты смогут только при поддержке и помощи более цивилизованных и развитых западных стран. Ленин вполне разделял мысли Маркса и Энгельса о несовместимости социализма и товарного производства. В 1908 году он писал: «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства... Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить»⁵⁶.

В годы войны Ленин много думал о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Ответ Ленина, как известно, был положительным: да, социализм может победить сначала в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Пролетариат других капиталистических стран поддержит и присоединится позднее. При этом Ленин думал не только о России или Франции. Страной, которая начнет мировую социалистическую революцию, может стать даже Швейцария. Этот вывод существенно отличался от взглядов Маркса и Энгельса, однако Ленин был не первым, кто начал говорить и писать о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Еще в 1880 году молодой, немецкий социал-демократ и теоретик Георг Фольмар (1850–1922) опубликовал в Цюрихе статью, а затем и брошюру «Изолированное социалистическое государство». Социализм, по мнению Фольмара, необязательно должен прийти к власти сразу во всем цивилизованном мире или даже в группе экономически развитых стран. Вполне возможно и жизнеспособно и отдельное государство с социалистической организацией. Как писал Фольмар, «вероятной и весьма вероятной представляется победа социализма первоначально в одной стране, между тем как другая возможность кажется гораздо более сомнительной»⁵⁷. Фольмар попытался в своей брошюре обсудить, какие экономические и политические меры перехода к социализму следовало бы осуществить в этом изолированном социалистическом государстве. Интересно, что автор считал необходимым не торопиться ни с уничтожением частной собственности, ни с отменой товарного производства. Торговля должна регулироваться государством, которое будет конкурировать на рынке с частными торговцами. Журнал «Диалог», опубликовавший впервые в российской печати статью Г. Фольмара, предполагал, что она была известна Марксу и Энгельсу. Однако никакой полемики вокруг этой статьи не возникло, и Ленину она, вероятнее всего, не была известна.

После Февральской революции Ленин сделал вывод, что именно Россия может начать мировую социалистическую революцию. Главный вопрос всякой революции – вопрос о власти – Ленину был достаточно ясен: к власти должна прийти партия большевиков. Но что будет делать эта партия «на другой день» после победы революции? Или через сто дней?

Еще в годы войны, в своей швейцарской эмиграции, Ленин внимательно перечитал все доступные ему тогда высказывания Маркса и Энгельса о социализме и о государстве. Он обработал свои записи и заметки в июле-августе 1917 года в карельском подполье, подготовив

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 56.

⁵⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 127.

⁵⁷ Диалог. 1995. № 11–12. С. 64–65.

рукопись книги «Государство и революция». Картина социалистического общества, набросок которой сделал Ленин в этой книге, была следующей: «Учет и контроль – вот главное, что требуется для “налаживания”, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну... и получали поровну. Контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики. Когда большинство народа начнет производить такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами... тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим. Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»⁵⁸.

Это был крайне упрощенный взгляд на социализм. Но было бы неразумно еще до победы революции углубляться в какие-то детали устройства будущего общества.

Победа Октябрьской революции и быстрое установление советской власти на большей части России выдвинули перед большевиками и Лениным множество сложнейших проблем, и к решению многих этих проблем они не были готовы. Разрушать остатки прежнего Российского государства, демобилизовать разлагавшуюся армию, брать под контроль банки, телефон и телеграф, обеспечивать замерзающие города топливом и продовольствием, остановить наступление казачьих частей на Петроград, а вскоре и наступление регулярных германских дивизий на Советскую Россию – все это было трудно, но понятно. Для решения этих задач и создавалась в стране диктатура пролетариата. Для борьбы с саботажем, контрреволюцией уже в декабре 1917 года была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия – ВЧК. Еще через месяц началась национализация первых крупных предприятий. Но надо было и что-то строить. Пришло время не только говорить о социализме, но и делать какие-то первые шаги по направлению социализма. Никто не имел на этот счет ясных представлений, и даже дискуссии по этому поводу трудно было проводить, так как сам предмет дискуссий не был точно определен. Выступая в феврале 1918 года на VII Чрезвычайном съезде партии, В. И. Ленин говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – мы этого не знаем, мы этого сказать не можем, потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»⁵⁹.

Поясняя эту же мысль через несколько дней, Ленин отмечал: «Ни один разумный социалист... никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества. Все мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по какой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания»⁶⁰.

Из каких кирпичей надо складывать социалистическое общество и новую экономику, Ленин тогда не знал. Но у всех большевиков была тогда уверенность, что их первая и главная задача состоит в том, чтобы «экспроприировать экспроприаторов» и ликвидировать частную собственность на средства производства. Отсюда легко делался вывод о желательности пол-

⁵⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 100–101.

⁵⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 66.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 379–380.

ной ликвидации частной собственности как общественного института, а следовательно, и об упразднении торговли и товарного производства. Для более умеренных германских социал-демократов вопрос о товарном производстве при социализме еще являлся предметом дискуссий. Но для более радикальных российских социалистов серьезных споров на этот счет не было. Даже такой авторитетный социалист-народник, как Петр Лавров, писал еще в 1876 году в книге «Государственный элемент в будущем обществе»: «Социальная революция должна начаться немедленным и неуклонным обращением всякого имущества в имущество общее, уступки здесь невозможны. Существование рядом, даже временно, социалистического строя и частной собственности представляет грозную опасность для нового социалистического строя, так как на другой день после революции проснутся старые привычки и влечения»⁶¹. О необходимости ликвидировать товарное производство в России в переходный период не раз писал и говорил Николай Бухарин. Еще более радикален был на этот счет Лев Троцкий, мысливший категориями не столько русской, сколько мировой революции. Он заявлял: «Задача, которая поставлена сейчас перед человечеством, как задача его жизни и смерти, именно: превращение всей земной поверхности, недр земных и всего, что на земле возведено трудом человека, в одно все более и более планомерное, руководимое по общему замыслу, мировое хозяйство, где распределение продуктов происходит так, как в одном большом артельном поместье»⁶².

Вся эта крайне поверхностная и невнятная концепция «первых шагов социалистического строительства» мало подходила к российским условиям начала 1918 года, и Ленин вынужден был лихорадочно искать каких-то новых решений. В отличие от Маркса и Энгельса, Ленин должен был не только высказывать и обсуждать те или иные теоретические положения, но и действовать. Он должен был руководить реальной экономической политикой только что созданного пролетарского государства. У Ленина имелся в данном случае вполне конкретный предмет исследования. Ленин пытался анализировать те социальные и экономические процессы, которые происходили в России под влиянием деятельности самих большевиков, а также идущие в стране стихийные процессы. Стихийный и вольный рынок, спекуляция хлебом, обмен между городом и деревней, коммунистические субботники, раздел помещичьей земли, работа национализированных заводов и фабрик, железных дорог – все это было предметом внимания и анализа.

Однако у Ленина не было никакой возможности для основательного изучения тех процессов, которые происходили в политике и в экономике России в 1918–1922 гг., и его концепции «реального» социализма не могли обрести какой-то цельности, они были обрывочны и противоречивы. Не слишком преуспели в этом же деле и другие большевистские теоретики. Особенно большие просчеты были допущены большевиками по отношению к мелкому частному производству, включая, разумеется, и крестьянское хозяйство. Ленин повторил здесь ошибки Маркса, Энгельса, Каутского и других авторитетных теоретиков марксизма и социализма. Следуя догмам ортодоксального марксизма, Ленин сразу же после революции занял резко отрицательную позицию по отношению к торговле и обмену, пытаясь заменить их прямым продуктообменом. Разработанная при участии Ленина и принятая в марте 1919 г. Программа РКП(б) провозглашала такие цели, как максимальную централизацию всей хозяйственной деятельности страны, замену торговли планомерным распределением продуктов труда, принудительное объединение всего населения в единую сеть потребительских коммун, выравнивание всех заработных плат всем группам трудящихся, безденежные расчеты и подготовка к отмене денег. Эти цели и проекты исходили из эпической идеи скорейшего введения нетоварного социализма.

⁶¹ Лавров П. Л. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1935. С. 251.

⁶² Известия. 1919. 24 июля.

Ленин явно недооценивал опасности сверхцентрализации и монопольного ведения производства при социализме, он недооценивал сложности управления современным производством, а также важности разумной децентрализации этого производства. Он, напротив, специально подчеркивал необходимость как можно большей централизации по всей стране промышленного производства и особенно крупного производства.

Уже к марту 1918 года в Советской России были национализированы сотни крупных и средних предприятий. Однако централизованное управление этими предприятиями еще не было налажено. В этих условиях оказалось популярным предложение о введении на предприятиях рабочего самоуправления, даже о передаче национализированных предприятий в собственность коллективам рабочих. Подобного рода предложения возникали в социал-демократической среде и в XIX веке. В США было создано небольшое число коммун и самоуправляемых предприятий. Ф. Энгельс попытался обобщить этот опыт, и он относился к практике самоуправления на производстве весьма положительно. Он писал в одном из писем, что «свободное самоуправление должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства»⁶³. Оценивая способность самих рабочих руководить обобществленными заводами и фабриками, Энгельс отмечал: «Наши рабочие способны на это, о чем свидетельствуют их многочисленные производственные товарищества, которые там, где полиция не подавляла их намеренно, управлялись так же хорошо и гораздо более честно, чем буржуазные акционерные общества»⁶⁴. Но Ленин не был знаком с этими высказываниями Энгельса, которые содержались в его переписке с европейскими социал-демократами. Следуя логике своих рассуждений о предельно возможной централизации промышленности. Ленин занял резко отрицательную позицию по отношению к различным формам групповой собственности и самоуправления. С обычной для него резкостью он писал: «величайшим искажением основных начал советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельных профессий на их особое производство или их право ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...»⁶⁵

Время с весны 1918 года и до весны 1921 года было в Советской России с точки зрения ее экономики периодом военного коммунизма. Фактически все имущество страны было национализировано, любая собственность могла быть реквизирована на нужды армии и государства. В деревне проводилась политика продовольственной разверстки, торговля была заменена в городах прямым распределением продуктов питания и других предметов первой необходимости. Параллельно существовал и черный рынок, с которым Советское государство и мирилось, и боролось, причем самыми жестокими методами. С окончанием Гражданской войны некоторые из лидеров большевистской партии предполагали, что политика военного коммунизма будет сохранена или даже ужесточена. С таких именно позиций Николай Бухарин писал свою книгу «Экономика переходного периода». Как можно судить по замечаниям В. И. Ленина на полях этой книги, в конце 1919 года он против главных тезисов Н. Бухарина не возражал. У Ленина и не было тогда, на этот счет никаких других решений и предложений. Однако сохранить военный коммунизм в России оказалось невозможным. Чтобы сохранить власть ВКП(б), чтобы выйти из кризиса, надо было искать новые решения, новые программы, новую концепцию и социализма, и путей перехода от капитализма и феодализма к социализму. Именно Ленин начал этот поиск. Уже в январе и феврале 1921 года он мучительно думал о путях выхода из возникшего тупика.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. С. 380.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. С. 380.

⁶⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 481.

Отнюдь не Ленин был автором предложения о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом, а следовательно, и об относительной свободе торговли. Основные идеи всего того, что получило позднее название новой экономической политики, или НЭПа, разрабатывались в 1919–1920 гг. теоретиками из меньшевиков и эсеров. Ленин хорошо знал эти предложения, но вначале решительно их отвергал. Надо сказать, что еще в годы Гражданской войны прежняя вражда между большевиками и другими социалистическими партиями России существенно смягчилась. Только немногие из известных деятелей меньшевистской и эсеровской партий приняли в Гражданской войне сторону белых армий и работали в 1919–1920 гг. на третьестепенных постах в политических структурах генеральских диктатур. Меньшевики возобновили в 1919 году работу в Советах, а их газета «Вперед» свободно издавалась в Москве. Были амнистированы почти все лидеры левых эсеров, и в июне 1919 года левые эсеры провели в Москве очередной съезд своей партии. Некоторые меньшевики и эсеры, освобожденные из тюрем, сразу же отправлялись на Южный и Восточный фронты, иногда в качестве военных комиссаров. За сотрудничество с большевиками «ради спасения революции от торжества белогвардейской реакции» высказались многие организации и часть лидеров правых эсеров, включая активных деятелей Комуча В. Вольского и И. Майского. Руководство эсеровской партии провело переговоры с большевиками в Москве, предлагая образовать России единую социалистическую партию «на основе последовательного демократизма и принципов научного социализма».

Эсеры предлагали большевикам сохранить централизованный аппарат снабжения, но отказаться от монополизации торговли и упразднить все заградительные отряды. Ленин, однако, решительно отклонил эти предложения. Эсеры, меньшевики и бундовцы приняли активное участие в работе VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 года. Их предложения о замене продразверстки продналогом, о разрешении крестьянам свободно продавать излишки зерна, «остающиеся у них за выполнением государственных повинностей», о развитии добровольного товарообмена между городом и деревней и т. п. звучали с трибуны этого съезда. «Индивидуальные крестьянские хозяйства можно перевести на коммунистические рельсы, – говорил Ф. Дан, – не путем физического насилия над крестьянством, а путем целого ряда экономических факторов, вытекающих из товарооборота и вообще экономического оборота». «Для крестьянства, – говорил В. Вольский, – должен быть реальный стимул в самой хозяйственной деятельности, и если он исчезнет, его нельзя заменить каким-то организованным принуждением. Поэтому мы говорим, что система, которая сейчас проводится, состоящая в отобрании излишков и в оставлении малых остатков, должна быть заменена системой налогов». Большевики отвергли тогда все эти предложения. Отвечая Дану и Вольскому, Ленин заявил, что их критика «носит неконструктивный характер», а сами они являются «вольными или невольными, сознательными или бессознательными пособниками международного империализма»⁶⁶.

Даже Троцкий еще в феврале 1920 года писал в одном из писем в ЦК в порядке обсуждения: «не заменить ли изъятие излишков известным процентным отчислением, своего рода подоходно-прогрессивным налогом, чтобы крестьянская запашка или лучшая обработка земли представляла выгоду?»⁶⁷ Предложение Троцкого было отвергнуто, и он стал в конце 1920 года одним из главных защитников милитаризации труда. Оказавшись в тупике, очень многие из большевиков были готовы снова вернуться к массовому террору и принуждению, тем более что находившийся в руках партии аппарат ВЧК имел широкую сеть концлагерей и вполне освоил технику расстрелов.

⁶⁶ VIII Всероссийский съезд Советов: Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 г.). М., Госиздат, 1921. С. 42–43, 57–59, 197–198.

⁶⁷ Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924. С. 58, 68.

Ленин также говорил в декабре 1920-го и в январе 1921 года главным образом о мерах принуждения по отношению к крестьянству.

Было очевидно, что весной 1921 года крестьяне не станут стараться засеивать как можно большую площадь пашни; зачем слишком напрягать силы, если все равно все излишки у них отберут? В этих условиях возникает идея, которую поддерживает и Ленин, – образовать специальные посевные комитеты, чтобы заставить крестьян засеивать как можно больше пашни и ухаживать за ней. «В стране мелкого крестьянства, – говорил Ленин, – наша главная и основная задача – суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять»⁶⁸. Но как стало очевидным к весне 1921 года, для принуждения ни сил, ни возможностей у большевиков уже не хватало. Лишь в феврале 1921 года Ленин стал все больше и больше размышлять о необходимости перехода к какой-то новой экономической политике.

Поворот к НЭПу был нелегким для Ленина, он должен был открыто признать допущенные большевиками ошибки и принять программу действий, которую предлагали его политические противники. Немалым усилием политической воли и интеллекта Ленин сумел начать этот поворот и в очередной раз спасти большевиков от почти неминуемого поражения. Уже во время подготовки к X съезду РКП(б) в верхах партии началось обсуждение вопроса о замене продразверстки продналогом. Кронштадтский мятеж положил конец сомнениям. На основании решений X съезда партии декретом ВЦИК от 21 марта 1921 года продовольственная разверстка была отменена. Вместо нее вводился продовольственный налог, не слишком обременительный размер которого был объявлен заранее. В несколько этапов в стране была введена свобода торговли, «Торговля – вот то “звено”, – писал Ленин, – в исторической цепи событий... за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти»⁶⁹. Ленин призывал теперь большевиков «учиться торговать», что стало для некоторых из них поводом к самоубийству.

Летом и осенью 1921 года Ленин много раз выступал по проблемам НЭПа, углубляя и развивая при этом свое понимание новой экономической политики, он признавал допущенные большевиками ошибки. В докладе, сделанном 17 октября 1921 года, отдельно выделен раздел «Наши ошибки». «Мы рассчитывали, – говорил Ленин в другом своем выступлении, – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»⁷⁰. Ленин не был, конечно, резок в такой самокритике. Даже в заметках, не предназначенных для печати, он искал какое-либо оправдание допущенным политическим и экономическим просчетам. Он писал: «Лобовая атака (на капитализм. – Р. М.) – ошибка, проба почвы и расчистка ее. И то и другое, исторически глядя, глядя сейчас, при переходе от нее к другому методу, важно подчеркнуть ее роль, ошибки»⁷¹.

Благотворное воздействие НЭПа стало проявляться уже к концу 1921 года. НЭП смягчил и последствия тяжелого неурожая 1921 года, охватившего все Поволжье. Голод в Поволжье стал следствием не только неурожая, но и продразверстки и Гражданской войны – у крестьян не оставалось никаких страховых запасов зерна и других продуктов. Всё отбирали и Красная и Белая армии. В 1922 году позитивные результаты новой экономической политики были очевидны для всех. Увеличились производство и заготовки хлеба и других продуктов, возрождались мелкое, а затем и крупное производство, в городах шла оживленная торговля, открыва-

⁶⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 147.

⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 225.

⁷⁰ Ленин В. И. ПСС. С. 151.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. С. 476.

лись магазины, разные лавки, столовые, рестораны, пекарни. Постепенно восстанавливалось нормальное денежное обращение.

Еще в 1921 году Ленин говорил о НЭПе как о временной уступке крестьянству, как о временном отступлении; в конце того же года он писал, что «отступление окончено». Ленина многое пугало, и в его заметках можно найти немало записей о НЭПе как тактическом маневре. Ленин соглашался вначале лишь на свободу в местном обороте, так как свобода торговли в широких масштабах будет «воссозданием капиталистического наемного рабства»⁷². «Мы помогаем крестьянам, – писал Ленин, – по той причине, что без союза с ними невозможна власть пролетариата, немыслимо сохранение ее. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим...»⁷³

Настроение Ленина и его отношение к НЭПу стали меняться к осени 1922 года, когда крестьяне легко и почти без какого-либо принуждения выполнили свои обязательства по продовольственному налогу, что укрепило советскую власть экономически и политически. И теперь Ленин начал говорить о НЭПе уже иначе, чем осенью 1921 года. Речь шла теперь не о тактике, а о стратегии, не о временных уступках, а о политике «всерьез и надолго», о переходе от революционных методов к методам «типа реформистского». Появились проекты привлечения в страну иностранного капитала. Были отпущены на свободу сотни тысяч «мешочников» и «спекулянтов», амнистированы рядовые участники крестьянских восстаний. Концлагеря ликвидировались, как и уездные органы ВЧК. Декретом от 6 февраля 1922 года ВЧК было преобразовано в Государственное политическое управление при НКВД. При этом ГПУ было лишено функций трибунала. Численность Красной Армии была сокращена до 500 тысяч человек, что снимало громадные нагрузки с государства. Крестьянские восстания к концу 1922 года почти прекратились, и большевики перестали применять методы массового террора.

Это не означало, однако, отказа от их политической диктатуры. Ленин опасался, что либерализация экономической политики большевиков приведет к значительному усилению влияния тех «мелкобуржуазных» партий, программу которых большевики теперь взяли на вооружение. Поэтому либерализация в экономике не сопровождалась демократизацией. Даже внутри партии были решительно запрещены образовавшиеся здесь ранее группы и фракции. Ленин гневно отклонил предложение одного из участников рабочей оппозиции Гаврилы Мясникова о расширении в стране свободы печати – «от анархистов до монархистов». Под разными предлогами деятельность партий меньшевиков и эсеров была снова запрещена и эти партии были исключены из Советов. Федор Дан, а также другие лидеры меньшевиков были высланы из Советской России. Лидеры правых эсеров, которые находились в пределах досягаемости ГПУ, были арестованы и против них начался основанный на фальсификациях судебный процесс. Лидеры партии эсеров были приговорены к расстрелу, но смертную казнь заменили десятью годами заключения. Протесты против этой судебной инсценировки охватили тогда социалистов всего мира. Партия левых эсеров, напротив, оценила новую экономическую политику как предательство большевиками интересов мировой революции, как сдачу революционных позиций. Под давлением карательных органов левые эсеры фактически прекратили в 1921 году политическую деятельность. Никаких решений о роспуске партии, однако, не принималось.

От членов ЦК партии левых эсеров не имелось и разного рода отречений и покаяний, на которые часто шли видные деятели других партий от меньшевика Андрея Вышинского до правого эсера Ивана Майского. Легальная деятельность для всех политических партий, кроме РКП(б), оказалась в условиях НЭПа невозможной. Ленин санкционировал в 1922 году высылку из Советской России большого числа ученых-гуманитариев. Большая группа выдающихся философов была отправлена из Петрограда и Москвы на «философском пароходе».

⁷² Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 61–62.

⁷³ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 47.

Поездом из Петрограда поехали на Запад экономисты и историки. Были высланы также юристы и литераторы, кооператоры и агрономы, врачи и финансисты. Эта крайне масштабная акция охватила не только Москву и Петроград, но Киев и Казань, Калугу и Новгород, Одессу и Тверь, Харьков и Ялту, Саратов и Гомель. В документах ГПУ акция получила кодовое наименование «Операция», и для ее оперативного руководства была создана специальная комиссия Политбюро ЦК РКП(б) во главе с Л. Каменевым. В нее вошли также заместитель Дзержинского Иосиф Уншлихт и начальник Секретного отдела ГПУ И. Решетов.

В одной из «установочных» записок Ф. Дзержинского членам комиссии и органам ГПУ на местах говорилось: «Директивы Владимира Ильича. Совершенно секретно. Продолжайте неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу. Тщательно составить списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределять между ними всю литературу. Составить списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сборников “Мысль” и “Задруга”. Верно. Ф. Дзержинский»⁷⁴. По настоянию Ленина смертная казнь была предусмотрена и во многих статьях первого советского Уголовного кодекса, касающихся политических, а не уголовных деяний. Уголовно наказуемой становилась теперь всякая «антисоветская» деятельность. При этом Ленин писал наркому юстиции Д. Курскому: «т. Курский... Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»⁷⁵. Примеров того, куда могла завести суд и следствие «революционная совесть», можно приводить очень много. Не зарекался Ленин и от возможного применения насилия в отношении широких слоев мелкой буржуазии. Уже после X съезда РКП(б) он призывал большевиков «не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это переименование западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁷⁶. Конечно, он говорил также о внимании, осторожности и учете интересов масс.

Жестокие репрессивные акции 1921–1922 гг., которые были направлены в первую очередь против ученых и интеллигенции, не разделявших не просто марксистских, а радикальных большевистских взглядов, а также против партий эсеров и меньшевиков, которые искренне считали себя социалистическими партиями, – все это совсем не походило на те картины, которые рисовал К. Каутский в своем очерке «На другой день после социальной революции». Все социал-демократические партии Европы осуждали большевиков. И тем не менее надо признать, что НЭП был очень важным как практическим, так и теоретическим начинанием большевиков.

В рамках марксистской ортодоксии разработка и обоснование НЭПа были, несомненно, наиболее значительным теоретическим достижением Ленина. Он сам писал об этом: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁷⁷. НЭП был, безусловно, отступлением, но отступлением с ложной дороги, которая могла привести Российскую коммунистическую партию и Советскую Россию к гибели. Переход к НЭПу был окончанием Русской революции 1917–1922 годов. Страна и партия еще очень осторожно и не очень уверенно переходили на новый путь реформ. Но в это же время приблизилась к концу и жизнь Ленина. Всего за 18 дней до провозглашения СССР Ленин окончательно покинул свой каби-

⁷⁴ Коган Л. А. Новое об изгнании духовной элиты из России // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 65–66.

⁷⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 190.

⁷⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 211.

⁷⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 376.

нет в Кремле. Он перешел под наблюдение врачей и переехал в Горки, подмосковное имение бывшего городничего Москвы.

Отойдя от текущих дел, Ленин получил возможность обозреть пройденный путь и обдумать ряд общих проблем и концепций. Работая сначала по два-три часа, но затем лишь по 10–15 минут в день, он диктовал свои последние статьи, письма, советы партии и ее руководству. Он уже не повторял прежних слов о социализме как единой конторе и единой фабрике с равной для всех оплатой труда. Он стал теперь говорить о социализме как обществе, сочетающем общественные и личные интересы, крупную индустрию и мелкое производство. Расширение и развитие всех видов и форм кооперации означает теперь для Ленина не развитие капитализма, а развитие социализма. В Горках Ленин начал обдумывать новый стратегический план развития социализма в таких экономически отсталых странах, как Россия. Полемизируя с Н. Сухановым, издавшим в 1922–1923 годах свои многотомные «Записки о революции», Ленин замечал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие страны. <...> Для создания социализма, – говорите вы, – требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»⁷⁸

Для ортодоксальных марксистов такой план был неприемлем. Новая общественно-экономическая формация, согласно Марксу, должна постепенно вызревать в недрах старого общества. Социальная революция происходит только тогда, когда прежние общественные отношения и государственные институты все сильнее и сильнее мешают формированию новой формации, превращаясь в оковы социально-экономического прогресса. Как замечал Маркс, новые задачи возникают перед обществом только тогда, когда внутри общества созрели все главные предпосылки для решения этих задач. Но понятие «оковы прогресса» может отражать разные реальности в России и в Китае, в США и в Германии, да и степень прочности этих «оков» может быть различной. Поэтому и революции, сбрасывающие эти оковы, могут происходить в разных странах на разных уровнях развития материальных и духовных предпосылок новой формации.

Новый стратегический план социалистического развития России Ленин не смог разработать более детально; это был только набросок, но не утопия. Намечаемый путь обещал оказаться гораздо более сложным, чем те пути, которые намечали для своих стран германские или французские социал-демократы. НЭП требовал величайшей осторожности и осмотрительности, ибо это был план одновременного развития капитализма и социализма в относительно слабо развитой стране и в условиях капиталистического окружения. Тем не менее это был реальный план. Несмотря на все споры среди большевиков, он в основном выполнялся и уточнялся до конца 1927 года. В реальных условиях 20-х годов именно НЭП открывал для Советской России нелегкий, но наилучший путь к процветанию.

Эти возможности, однако, не были реализованы после смерти Ленина. Его поиск и в области теории социализма, и в области практики социалистического строительства не получил разумного и полноценного продолжения. Как известно, Сталин уже в конце 20-х годов отказался от политики НЭПа, приняв на вооружение далеко не лучшую часть теоретического и практического наследия Ленина 1918–1919 годов. В российской деревне вновь стали проводить раскулачивание и политику продразверстки. Крестьяне прикреплялись к земле, в стране

⁷⁸ Ленин В. И. ПСС. С. 380–381.

в иных формах возрождалась политика военного коммунизма и насильственного преобразования общества, временами включавшая массовый террор. Ее результатом стал малоэффективный и непривлекательный тоталитарно-государственный социализм, хорошо знакомый большинству из нас. Он мог простоять долго, но не мог длиться вечно.

О концепциях раннего и незрелого социализма

Для объяснения как многих недостатков, так и самой сущности советского социализма некоторыми из теоретиков была выдвинута – в противовес концепциям «развитого», или «реального» социализма – концепция незрелого, или раннего социализма, который в свою очередь появился из недр и из противоречий незрелого российского капитализма. Российское общество было полно противоречий, но главными из этих противоречий являлись не противоречия между буржуазией и пролетариатом, а противоречия между нарождающимся в стране капитализмом и полуфеодалной политической надстройкой, а также полуфеодалными отношениями в деревне. Россия не была страной развитого капитализма, и главными задачами, которые предстояло здесь решить, были задачи буржуазно-демократической революции. Однако успешно разрешив эти задачи, большевики пошли дальше и начали решать задачи социалистической революции, хотя для этого еще не было необходимых материальных, экономических и иных предпосылок. Ленин хорошо знал слова и утверждения К. Маркса о том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»⁷⁹.

Но это общее правило, из которого, по мнению Ленина, могли быть исключения. Если в России пролетариат и его партия оказались во главе буржуазно-демократической по содержанию революции, то почему они должны после победы этой революции отходить в сторону, а не попытаться с помощью государственной власти направить развитие страны не только в сторону капитализма, но и в сторону социализма? В своей программной статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» Ленин писал: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим»⁸⁰. Сделано было немало. Но многое, из того, что можно было бы сделать, так и не было сделано. Очень многое было сделано не так и не в том направлении, как это, может быть, было бы сделано под руководством самого Ленина. Но что получилось, то получилось. В СССР удалось построить лишь крайне несовершенное и деформированное социалистическое общество, которое не смогло выдержать испытаний конца XX века! Один из старых большевиков Сергей Писарев, вернувшийся в Москву после 20-летнего пребывания в тюрьмах, лагерях и ссылке и сохранивший при этом все свои прежние коммунистические и коминтерновские убеждения, не раз говорил мне при наших беседах: «Да, у нас не получилось в этот раз. Мы были первыми, мы проделали дорогу, но по ней не смогли дойти до цели. В другой раз – через 100 лет – другие коммунисты и социалисты сделают то, что не смогли сделать мы. Но и им будет полезен наш опыт и достижений и ошибок, хотя ошибок, может быть, у нас было даже больше, чем достижений».

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 7.

⁸⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 144–145.

Известно, что как Маркс, так и Энгельс даже в 70-е годы XIX века считали возможной в странах Западной Европы социалистическую революцию. Противоречия капитализма в главных странах Европы были уже очень велики, положение рабочего класса становилось все хуже и хуже: возникло и первое международное объединение рабочих партий – Интернационал. В экономических кризисах 70-х годов Маркс и Энгельс видели признаки близкой гибели капитализма. Мы понимаем теперь, что все это были болезни раннего возраста; некоторые из современных историков называют их даже детскими болезнями капитализма, которые Маркс и Энгельс ошибочно приняли за старческую немощь исчерпавшего свои возможности общественно-экономического строя. Эта ошибка простибельна, так как сравнивать было не с чем. Капитализм оказался более жизнеспособным или живучим. В самом конце XIX и в начале XX века он перешел на новую стадию развития – империализм. Развитие капитализма замедлилось в 20—40-е годы XX века, и у марксистов были все основания говорить тогда о загнивании капитализма. Это были годы Второй мировой войны и двух тяжелейших экономических кризисов. Но капитализм и теперь не рухнул в западных странах, а получил, напротив, импульс к быстрому развитию. Этому было несколько причин. И под давлением рабочего класса и из страха перед социалистической революцией правящие круги всех главных капиталистических стран пошли на крупные социальные и политические уступки. Повышение заработной платы, пособия по безработице, пенсии, расширение демократических процедур, допущение во власть умеренных социал-демократических партий и многое другое в том же направлении – все это привело к исчезновению класса пролетариев, людей и групп, у которых ничего нет, кроме их рабочих рук и цепей. Сам характер экономики капитализма изменился – общество потребления и массовое производство середины XX века сделали Европу и Америку совсем непохожими на все то, что здесь было сто лет назад. Научно-техническая революция и информационные революции второй половины XX века также неизменно изменили западные капиталистические страны. Не может сохранить прежние реакции общество, в котором учителей средних школ и преподавателей вузов больше, чем фермеров и крестьян, а численность работников торговли и информационных служб больше, чем рабочих у станка.

Победа социалистического движения в России очень сильно способствовала многочисленным изменениям социально-экономического и политического режима на Западе, и страх Запада перед коммунизмом был тем больше, чем большими у нас были разного рода деформации и извращения социализма, постепенно переросшего в тоталитаризм. Иное влияние оказало развитие советского раннего и незрелого социализма на восток от России.

Провозглашая лозунги мировой революции и создавая III Интернационал, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, И. В. Сталин надеялись на подъем социалистического и рабочего движения в Европе. И для этого после Первой мировой войны было много оснований. Однако революционный подъем здесь оказался не столь сильным и сменился жестокой контрреволюцией, наиболее страшным проявлением которой оказался фашизм. Совсем иные процессы шли на Востоке, в Азии, в колониальном мире. Ни в Китае, ни в Индокитае еще не было капиталистического общества. Небольшие отряды пролетариата работали здесь в немногих крупных городах, на предприятиях, которые принадлежали иностранному или компрадорскому капиталу. Возникшие здесь после Октябрьской революции коммунистические партии могли найти прочную опору только в деревне среди беднейшего крестьянства. Казалось бы, о каком социализме и о какой социалистической революции здесь можно было говорить и мечтать. Но и о быстром развитии капитализма здесь не могло быть и речи, для такого развития в Китае и во Вьетнаме не имелось ни экономических, ни социальных условий, а на поддержку развитых западных стран или Японии странно было бы рассчитывать, их цели были прямо противоположны. Выбор социализма и социалистического развития в его ленинских интерпретациях оказался здесь наиболее естественным. Те элементы утопизма, которые имелись в марксизме и в ленинизме, в Китае никого не пугали, а напротив, увеличивали революционное воодуше-

ление. Других шансов вырваться из вековой отсталости и колониальной зависимости просто не было. Мы знаем, какой путь прошел в XX веке Китай, а за ним и Вьетнам. У них была своя диктатура, свой тоталитарный режим, свои деформации. Социалистические революции на Востоке также можно отнести к категории ранних социалистических революций. Китайский социализм и коммунизм, особенно во времена Мао Цзэдуна, – это также незрелый и ранний социализм или даже утопический коммунизм. Но Китай, а затем и Вьетнам сумели выйти из своих трудностей и решить свои противоречия более успешно, чем СССР и КПСС, которые просто разрушились.

Социализм, и как теоретическая концепция и как реальная практика, не сошел с повестки дня и остается крайне актуальной проблемой в Китае. Но он остается актуальной проблемой и в западных странах, и в России. Многие события XX века вызывают сожаление, немало было и таких событий, которые вызывают сегодня страх и ужас. Но все это должно стать уроком и для тех, кто считает себя противником социализма, и для тех, кто выступает за новый социализм.

Глава вторая. КРУШЕНИЕ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР

Идеологическое отступление КПСС

Распад Советского Союза и крушение режима реального социализма в СССР, идеологический и политический крах КПСС – все это очень сложные процессы, которые трудно анализировать. Кризисные процессы происходили в недрах партии и в ее идеологии на протяжении многих десятилетий. Уже в 60—70-е годы КПСС как политическая и идеологическая организация находилась в состоянии глухой обороны, избегая любых нововведений, в том числе и в своей экономической политике. Эта оборона сменилась отступлением, которое происходило все более неорганизованно и поспешно, а затем перешло в распад и разрушение, которые происходили очень быстро и сразу на многих направлениях. При этом не было почти никакого сопротивления ни со стороны руководства КПСС, ни со стороны партийного актива, ни со стороны идеологических служб партии. Это был хаотический и почти стихийный процесс, лишенный ясной логики. Мало что понимали и те, кто отступал, и те, кто наступал. Это было начало всего того, что мы называем теперь «смутным временем», хотя тогда, в середине 60-х годов, многие из нас говорили о нем как о «перестройке». Бесчисленное количество документов, заявлений, резолюций, критических публикаций 1987–1991 гг., которые хранятся в моем архиве, мало что могут прояснить в событиях тех критических лет, так как процессы в реальной действительности мало соответствовали всему тому, что публиковалось в газетах и журналах. Приходится поэтому в большей мере руководствоваться собственными наблюдениями и впечатлениями.

Еще весной 1988 года я получил возможность сотрудничать со многими газетами и журналами в Москве, в провинции и в союзных республиках СССР. Политика гласности набирала обороты, и она была направлена главным образом на критику режима и преступлений сталинизма. Я выступал с лекциями и докладами во многих институтах, в военных академиях, на предприятиях, в школах, издательствах и в некоторых союзных министерствах. Стирались белые пятна в истории СССР и КПСС, и интерес к правдивой и неискаженной истории был огромен. Однако уже тогда критика недостатков ошибок и преступлений прошлого нередко перерастала в критику всего советского прошлого и всей политики СССР и КПСС во все периоды их истории.

Весной 1989 года я был избран народным депутатом СССР, а затем и депутатом Верховного Совета СССР от Хорошевского избирательного округа г. Москвы. Избирательная кампания была необычной и очень поучительной. Почти сразу же после этих выборов я был восстановлен в рядах КПСС, из которой меня исключили еще в 1965 году, как автора книги «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма». Летом 1990 года на XXVIII съезде партии я был избран членом ЦК КПСС, пополнив состав Идеологической комиссии ЦК. В течение двух лет я активно сотрудничал со всеми главными газетами и журналами КПСС, выступал на партийных собраниях, совещаниях секретарей первичных организаций, на партийных активах Москве и в провинции, в министерствах и ведомствах, включая Управление внешней разведки в Ясенево. В 1990–1991 гг. я получал много писем от членов КПСС как с выражением поддержки, так и явного неодобрения. Я участвовал в работе идеологического аппарата и пленумов ЦК КПСС, беседовал со многими видными членами партийного руководства. Я мог, таким образом, наблюдать за жизнью КПСС не со стороны. Это было время глубокого кризиса партии, ее явного идеологического отступления. Однако никто из лидеров партии не понимал остроты кризиса и не имел ясного плана по его преодолению. Концепция «нового мышления»

была провозглашена, однако никакого «нового мышления» не появилось. Мы слышали только общие декларации и сентенции – «так жить нельзя» или «давайте жить дружно, помогая друг другу». Не было ни ясной политической цели, ни твердой политической воли. Позднее один из ближайших соратников М. Горбачева Анатолий Лукьянов писал:

«...70 лет монополии на власть и на идеологию отучили партию и ее актив на местах и в центре вести серьезную политическую борьбу. Партийные идеологи зачастую пасовали перед беспардонным натиском младших и старших научных сотрудников. И это несмотря на то что за плечами атакующих не было ни понимания нашей истории, ни соприкосновения с народными нуждами, ни подлинного знания капиталистической действительности, воспринимаемой ими лишь по ярким витринам магазинов да туристическим впечатлениям, таким образом, налицо была не стратегически выверенная и взятая на вооружение всей партией программа перестройки, а дилетантские шатания. Причем они сопровождались настоящей эрозией, размыванием социалистических устоев. Этот губительный процесс, естественно, встречал сопротивление – и в партийных организациях, и в ЦК КПСС»⁸¹.

В этой констатации есть доля истины, но доля не слишком большая. Почему вдруг восстали против партийных идеологов «младшие и старшие научные сотрудники», которые в своем большинстве были также членами КПСС и потратили много времени и сил на изучение марксизма-ленинизма? Почему именно эти люди получили массовую поддержку, в том числе и в рядах КПСС, а также на выборах? В чем состояло сопротивление со стороны руководства ЦК КПСС «процессам эрозии социализма»? Эту эрозию мы все видели, но никакого серьезного сопротивления не было видно. «Дилетантские шатания» демонстрировали нам не какие-то анонимные «партийные идеологи», а все главные фигуры в руководстве ЦК КПСС. Нельзя согласиться и с фразой о «беспардонном натиске младших и старших научных сотрудников». В идеологических нападках на партию, на ее идеологию и историю принимали участие видные ученые, популярные публицисты, известные писатели и даже такие крупные политики, как Борис Ельцин. В рядах критиков КПСС можно было видеть как недавних диссидентов, так и недавних работников идеологического аппарата ЦК КПСС. А самое главное – их критика в очень многих случаях была совершенно справедливой, и убедительно отвечать на нее было просто нечем.

Критика в адрес ЦК КПСС и в адрес партийной идеологии нарастала как снежный ком, и противопоставить ей было нечего. Журналы «Коммунист» или «Партийная жизнь» не могли противостоять журналам «Огонёк» или «Новый мир», газеты «Правда» и «Советская Россия» не могли конкурировать с «Комсомольской правдой» или «Литературной газетой». Идеологические процессы в обществе вышли из-под контроля партийных лидеров, а к открытой борьбе с оппонентами КПСС была не готова. Да и что можно было ответить тем, кто сообщал народу неизвестные ранее факты о фальсифицированных судебных процессах 1936–1937 годов, о расстреле 22 тысяч польских офицеров и военнопленных в 1940 году или о физическом уничтожении почти всех членов Антифашистского комитета советских евреев в 1952 году?! Мы узнавали страшные подробности голода на Украине и на Кубани в 1933 году, уничтожения части донского казачества в 1919 году, подавления крестьянских восстаний и восстания в Кронштадте в 1921 году.

Осмыслить и оценить огромный объем обрушившейся на наше сознание негативной информации было просто невозможно. Воздвигавшиеся десятилетиями идеологические плотины были прорваны, и остановить мощные потоки критики никто не мог. Нет ничего удивительного в том, что все увеличивающаяся критика сталинизма или эпохи застоя стала быстро перерастать в критику политической практики и взглядов Ленина и большевиков в целом. Еще осенью 1989 года журнал «Новый мир», тираж которого приближался тогда к двум миллио-

⁸¹ Правда. 1995. 22 марта.

нам экземпляров, начал публикацию знаменитой книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Самое резкое осуждение всех страшных факторов террора и репрессий 30—40-х годов автор адресовал не Сталину, который «точно шел стопой в указанную стопу» и который казался Солженицыну «лишь слепой и поверхностной исполнительской силой», а Ленину и всей партии большевиков. Но критика Ленина и ленинизма шла также и почти во всех других массовых изданиях параллельно и независимо от Солженицына.

Общие масштабы критики Ленина и большевиков оказались не только очень значительными, но и неожиданными для КПСС и идеологов. В 1990 году еще проводился учет статей и других материалов, опубликованных в ведущих газетах и журналах, включая главные республиканские и региональные органы печати. На основании этого учета составлялись летописи журнальных и газетных статей. По данным этих летописей, в 1990 году было опубликовано около 10 тысяч статей и материалов с критикой Ленина и ленинизма. По данным Госкомстата, только за первую половину следующего 1991 года в СССР было опубликовано не менее 17 тысяч материалов, обвиняющих Ленина в широком спектре политических и уголовных преступлений – от измены Родине до распространения венерических заболеваний»⁸².

В дальнейшем подобный учет стал невозможен, но можно с уверенностью сказать, что число подобного рода материалов лишь возросло, так как именно в 1987 и в 1988 годах повсеместно началось издание большого числа новых журналов и газет, которые с самого начала заявляли о своей антикоммунистической позиции.

В критике Ленина и большевиков было много справедливого. Но удивляло и обилие крайне тенденциозных и лживых материалов, а также предельная ярость многих авторов. Публика готова была поверить в любую клевету о Ленине. Многие из авторов снова начали утверждать, что Ленин был немецким или британским шпионом, что он, конечно же, получил от генерального штаба кайзеровской Германии 50 миллионов золотых рублей на организацию революции в России. По утверждению некоторых авторов, даже покушение эсерки Фанни Каплан на Ленина в 1918 году, послужившее поводом для объявления большевиками «красного террора», было сознательной и даже не слишком хорошо организованной инсценировкой. Со страниц разных газет неслись требования убрать имя Ленина из названий городов СССР, из названий улиц и площадей, снести памятники Ленину, ликвидировать в Москве Мавзолей В. И. Ленина и захоронить тело Ленина на Волковом кладбище в Ленинграде рядом с могилой его матери.

Одно из первых поручений, которое мне пришлось выполнять как члену ЦК КПСС – это анализ и обобщение многочисленных писем резолюций с протестами против демонтажа памятников Ленину, а также переименования улиц, площадей, предприятий и городов, которые носили имя Ленина. Эти письма и резолюции шли со всей страны, но особенно много их было из Прибалтики и Западной Украины.

В Москве и в некоторых других городах эта волна антиленинских и антисоветских публикаций встречала все же некоторое сопротивление. В столице был закрыт Музей Ленина, но продолжал работать и принимать посетителей Мавзолей. Был снесен памятник Феликсу Дзержинскому, но остались на своих местах все памятники Ленину, включая и памятник на Октябрьской площади. Сохранили свои названия Ленинский и Ленинградский проспекты, Ленинградское шоссе, главную библиотеку страны все продолжали называть «Ленинка». На референдуме в Ленинграде незначительным большинством голосов было принято решение – вернуть этому городу название Санкт-Петербург. Однако мэру Санкт-Петербурга Анатолию Собчаку не удалось провести решение о сносе многочисленных памятников Ленину, которых здесь имелось около двухсот. Население Ленинградской области не захотело следовать примеру Ленинграда, и область сохранила прежнее название. То же самое произошло и в Сверд-

⁸² Век XX и мир. 1991. № 10. С. 39.

ловской области, где только главный город области вернул себе прежнее наименование Екатеринбург. Не пожелали менять свое название ни Ульяновская область, ни город Ульяновск. На карте России сохранились города Ленинск, Лениногорск, Калининград, Дзержинск, Киров и некоторые другие.

Атака на Ленина и ленинизм не сразу переросла в атаку на взгляды и деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, то есть на марксизм. Впрочем, уже в самом начале 1990 года в статье «Новые вехи» С. Чернышев писал: «мы накануне суда над Марксом. <...> Судебный процесс еще не начался, обвинение не предъявлено. Покуда Маркс всего лишь выходит из моды. Говорить о нем, ссылаться на него становится дурным тоном. Он окружен стеной молчания. Общественное мнение в классическом сталинском стиле исподволь готовится санкционировать расправу над своим бывшим кумиром. Естественно, аргументы по существу дела никого не интересуют»⁸³. Однако уже в середине 1990-го и в 1991 году в нашей печати появилось немало статей, в которых взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса подвергались самой решительной критике.

Эта кампания носила все же не столь острый и массовый характер, как выступления против Ленина и ленинизма, хотя она и затронула все главные составные части марксизма. Под сомнение ставились философская концепция марксизма – материалистическая диалектика, а также важнейшие положения исторического материализма. Очень много критических замечаний высказывалось по поводу марксистской политической экономии. Однако острие критики было направлено против учения Маркса и Энгельса об исторической роли пролетариата, о диктатуре пролетариата и о социализме.

Журнал «Вопросы истории КПСС» открыл на своих страницах дискуссию «Нужен ли сегодня К. Маркс?». Журнал «Общественные науки» ввел с весны 1990 г. рубрику: «Переживет ли марксизм перестройку?». В новосибирском журнале «ЭКО» заголовки были более определенными: «Снимем шляпу Маркса с нашей головы». Литературный критик Ю. Буртин и ректор Историко-архивного института Ю. Афанасьев называли марксизм «деспотической и антигуманной утопией». Ответственный работник ЦК КПСС и автор апологетических книг о социализме А. С. Ципко писал теперь о марксизме как об изначально порочной теории общественного развития, «порождении экспансионистской европейской культуры». Экономист Лариса Пияшева призывала советских теоретиков последовать примеру западных социал-демократов и вырвать свой марксистский корень. Очень трудно было найти в этой полемической кампании элементы научной дискуссии. Не та была атмосфера полемики, не те были цели, преследуемые нашими доморожденными антимарксистами, как справедливо писали И. Выгодский и Н. Федоровский.

«Дискуссия, развернувшаяся вокруг марксизма, выступает чаще всего в наши дни как фактор политической, а не научной жизни. Политический же спор развивается по своим жестким правилам, многие из которых науке абсолютно противопоказаны. Особенно, если он ведется в условиях низкой политической культуры, характерной для идейной борьбы, развернувшейся в нашей стране. В обстановке митинговой стихии, преобладающей как на улицах и площадях, так и на заседаниях представительных учреждений, при известной озлобленности и элементах массовой истерии, не только при неумении, но и нежелании слышать оппонента, обоснованность научных доводов и добросовестность в их использовании часто теряют свою весомость и слабо воспринимаются аудиторией. На первый план выдвигаются не логика, а броскость и запоминаемость аргументов и способность воздействовать не на разум, а на эмоции»⁸⁴.

Но кто еще кроме самой КПСС и ее идеологов был повинен в той действительно очень низкой политической культуре и в той озлобленности, которые в 1988–1991 гг. демонстриро-

⁸³ Знамя. 1990. № 1. С. 156.

⁸⁴ Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 68.

вало наше общество? Приверженцы Маркса и Ленина предпочитали в эти годы просто молчать, а на критику пытались отвечать лишь приверженцы Сталина, хотя и их голос в защиту сталинизма звучал в годы перестройки не так уж громко. В любом случае можно было констатировать, что КПСС полностью проиграла развернувшийся в стране идеологический спор.

Ослабление партийной дисциплины и авторитета лидеров КПСС

Уже в 1989 году можно было видеть повсеместное ослабление партийной дисциплины, которая даже в большей мере, чем единая идеология, являлись источником силы и единства КПСС. Без дисциплины партия начала просто разрушаться как единый организм. Первичные организации не выполняли решения и рекомендации райкомов партии, народные депутаты СССР, даже избранные от ЦК КПСС, не выполняли рекомендаций партийных лидеров. Региональные и республиканские организации КПСС вели свои дела, мало считаясь с мнением московских партийных вождей, которые не могли так же легко, как раньше, смещать со своих постов неугодных региональных лидеров. КПСС быстро превращалась в колосса на глиняных ногах. Очень мало занимался партийными делами и М. С. Горбачев. Сосредоточившись на выполнении обязанностей Председателя Верховного Совета СССР, а позднее Президента СССР, М. Горбачев почти не работал в своем кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС на Старой площади. Небольшой аппарат его помощников по этой должности практически бездействовал. Заметно увеличилось число людей, покидающих ряды партии. В 1987–1988 гг. из КПСС вышли несколько сот тысяч человек. В 1989–1990 гг. счет пошел уже на миллионы. Политическая активность коммунистов не слишком возросла и во время подготовки XXVIII съезда КПСС. Выборы делегатов на этот съезд было решено провести на принципах альтернативности и состязательности, когда на одно место выдвигалось несколько кандидатов.

В Хорошевском районе Москвы, от которого я был избран народным депутатом СССР, за шесть мандатов на партийный съезд боролись весной 1990 тогда 65 кандидатов. Контроль аппарата ЦК КПСС за ходом этих выборов был резко ослаблен. Однако авторы такого нововведения не учли, что при ослаблении контроля со стороны центральных партийных структур заметно возросли возможности контролировать и направлять эти выборы у аппарата областных городских и районных комитетов партии. Поэтому слова о привлечении свежих сил, об «участии в выборах всех коммунистов, всей партийной массы» и т. п. почти везде остались словами. Подавляющее большинство мандатов на XXVIII съезд достались работникам партийного аппарата различного уровня. В докладе мандатной комиссии съезда говорилось, что из 4683 делегатов съезда более 40 процентов составляли партийные работники, 16 процентов – рабочие и крестьяне и около 8 процентов – представители научной и творческой интеллигенции. Еще большая доля профессиональных, партийных работников была в составе российских делегатов съезда⁸⁵. Советская печать много писала о съезде, но граждане страны не проявляли к нему особенного интереса. В распространенной среди делегатов съезда экспресс-информации Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС приведены данные опроса в 18 регионах страны. Был и такой вопрос: «Какие чувства вы испытываете в связи с XXVIII съездом КПСС?» 10 процентов опрошенных подчеркнули «надежду» и «уверенность», 27 процентов – «сомнение», 18 процентов – «безнадежность», 15 процентов – «безразличие».

Горбачев не мог управлять событиями на XXVIII съезде так, как это удалось ему на XIX партийной конференции в 1988 году. Штурвал то и дело вырывался у него из рук, и речь шла теперь в большей мере о политическом выживании, чем о сохранении проложенного ранее курса. Мало кто вообще обсуждал предложенное съезду Программное заявление «К гуман-

⁸⁵ Советская Россия. 1990. 21 июня.

ному, демократическому социализму»; оно было принято без больших поправок. Основная борьба развернулась вокруг судьбы отдельных лидеров партии. Временами казалось, что и сам Горбачев не сможет сохранить пост Генерального секретаря ЦК КПСС, тем более что выборы генсека проводились не на пленуме ЦК, а на пленарном заседании съезда. Никто, однако, из известных деятелей партии не решился конкурировать с Горбачевым, и он был избран, хотя и далеко не единогласно.

На пост заместителя Генерального секретаря были выдвинуты кандидатуры украинского партийного лидера Владимира Ивашко и Егора Лигачева. Лигачев держался решительно, и его выступление вызвало шквал аплодисментов. Однако при первом голосовании он проиграл, недобрав около 500 голосов. Настояв на еще одном голосовании, Лигачев проиграл полностью, получив 5642 голоса «против» и только 776 – «за». Александр Яковлев, убедившись в отрицательном отношении к себе делегатов съезда, снял свою кандидатуру. Ни Лигачев, ни Яковлев не были избраны даже в ЦК КПСС. Из прежнего состава Политбюро в новый перешли только два человека. Но это обновление не означало усиления. Большинство новых членов Политбюро были мало известны и потому неавторитетны в партийных кругах. Коммунистам мало что говорили имена их новых лидеров: Гиви Гумбаридзе, Миколаса Бюрокявичуса, Станислава Гуренко, Александра Дзасохова, Абсамага Масалиева, Кахара Махкамова, Галины Семеновой, Ефрема Соколова, Олега Шенина, Геннадия Янаева. Были совсем неизвестные и новые секретари ЦК КПСС В. Анискин, В. Гайворонский, А. Теплинничев, Т. Тургунова. Пожалуй, никогда еще партия не имела такого слабого руководства, как в 1990–1991 гг.! Даже члены нового ЦК, собираясь на пленумы, спрашивали соседей – как фамилия многих людей, сидевших в президиуме.

Комментарии печати даже партийной в связи с окончанием съезда были не слишком оптимистическими. «Партия может потерять себя... обновления партии после 1985 года не произошло... партия оказались на обочине стремительных процессов» («Коммунист»). «Съезд не выработал серьезной базы для консолидации» («Народный депутат»). «Партия не смогла разорвать сжимающиеся цепи неверия, безнадежности, безразличия по отношению к КПСС» («Диалог»). Партийная печать и после XXVIII съезда продолжала писать не только об усилении нападков на КПСС, но и об удивительной для переломного времени апатичности и пассивности партийных масс. Кризис коммунистической партии углублялся. «Проявления этого кризиса, – писал журнал «Коммунист», – увы, многообразны. Они зримо прослеживаются в параличе, охватившем первичные партийные организации, в изменении демографического и социального облика КПСС ввиду массового оттока из нее молодежи и рабочих. Налицо признаки превращения партии из реальной ведущей политической силы в номинальную»⁸⁶. И это писал главный теоретический журнал самой КПСС!

Отнюдь не праздничная атмосфера царила в Москве, да и во всей стране 7 и 8 ноября 1990 года во время главного официального праздника СССР – 73-й годовщины Октябрьской революции. На параде 7 ноября на Красной площади во главе парадного полка воздушно-десантных войск шел недавний участник XXVIII съезда КПСС генерал-майор Александр Лебедь. Вспоминая этот день, он писал в своей книге: «Парад прошел ровно и оставил на душе тяжелый осадок. Обычной, привычной приподнятости не было... Было ли ощущение, что парад последний? Нет, пожалуй! Было другое – не до конца осознанное понимание, что в государстве сломался какой-то главный опорный державный стержень, и она, держава, пошла вразнос. Именно вразнос, стихийно, дико, непредсказуемо... Государственный корабль несясь без руля и ветрил в какую-то гигантскую черную дыру и неопределенность происходящих изменений, непонятно с каким знаком, вызывала безотчетную тоску. Держава уплывала из-под

⁸⁶ Коммунист. 1991. № 13. С. 15.

ног, переставала ощущаться за спиной, на глазах пропадало что-то такое большое, надежное, основательное, на чем, собственно, зиждется и смысл жизни, и смысл службы»⁸⁷.

Идеологическое и политическое размежевание в КПСС

Отдельно следует рассмотреть те процессы политического и идеологического размежевания, которые начали происходить в КПСС еще до XXVIII съезда и были ускорены после этого съезда. Различного рода оппозиционные течения, группы, платформы стали возникать среди коммунистов еще в 1988 году. Их было немало в республиках и областях, а также в Москве и Ленинграде. Это «Социалистическая инициатива», «Перестройка-88», «Народное действие», Московский партийный клуб, «Марксистская платформа», «Коммунисты за демократию», «Левый центр», «Движение коммунистической инициативы», общество «За ленинизм», «Большевистская платформа» и другие. Наибольшую активность в предсъездовской дискуссии проявили партийные клубы, собравшие в январе 1990 года конференцию партийных клубов. В Москву прибыли 455 делегатов из 102 городов. Они представляли 55–60 тысяч коммунистов.

Для 15-миллионной партии это было не слишком много, и ЦК КПСС эти группы и клубы просто игнорировал. Однако они развили в стране и в партии большую активность. Конференция партийных клубов учредила новое объединение, или движение – «Демократическая платформа в КПСС». Был создан также Координационный совет из 56 человек. Это была пестрая по составу партийная фракция, в которую вместе с искренними социалистами и коммунистами вошли люди, стремившиеся через оппозиционные течения прийти к власти в стране и в партии с неясными еще (может быть, и им самим) целями. В руководстве фракции оказались рядом Б. Ельцин и Ю. Афанасьев, Г. Попов и Г. Бурбулис, Н. Травкин и Т. Гдлян, С. Калугин и Ю. Черниченко. Однако ведущую роль в разработке документов фракции играли Вячеслав Шостаковский, занимавший пост ректора Высшей партийной школы, и молодой теоретик Владимир Лысенко. На конференции партийных клубов было принято несколько резолюций, в одной из которых работа ЦК КПСС оценивалась как неудовлетворительная. Главным документом этой новой демократической оппозиции в партии стала «Демократическая платформа» – обширная декларация принципов, оценок и предложений. Она была опубликована в газете «Демократическая платформа», которая начала издаваться в Москве тиражом в 50 тысяч экземпляров. 5 марта «Правда» в «Дискуссионном листке» № 11 также опубликовала «Демократическую платформу» тиражом около 10 миллионов экземпляров, что позволяло всем коммунистам ознакомиться с документом новой фракции.

Эта декларация не стала в дальнейшем программой для деятельности какой-либо влиятельной политической группы или движения. Ее подробное изложение и анализ вряд ли поэтому вызовет интерес у читателей. Разбираемый документ имел слишком общий, а потому поверхностный характер. Движение «Демократической платформы» объявило себя и частью КПСС, и составной частью демократического движения в СССР. Констатирующая часть «Демократической платформы» не вызвала у меня больших возражений, если не считать излишней резкости оценок. Можно было согласиться и с большинством предложений по демократизации партийной жизни, хотя и было нереально осуществить их еще перед съездом и во время съезда партии. Так, например, предлагалось проводить выборы на XXVIII съезд КПСС не только по территориально-производственному принципу, но и по платформам. Такие выборы по политическим платформам проводили в партии еще во времена В. И. Ленина, но после X съезда РКП(б) Устав партии запретил создание внутри нее формальных политических фракций и групп.

⁸⁷ Лебедь А. И. За державу обидно... М., 1995. С. 362–363.

Сомнение вызывал пестрый характер новой демократической фракции. Что объединяло Геннадия Бурбулиса и Олега Калугина, Тельмана Гдляна и Николая Травкина? Каковы были мотивы этих людей? Все они входили летом и осенью 1989 года в МДГ – Межрегиональную депутатскую группу и выступали на съездах народных депутатов с резкой, но неконструктивной критикой Михаила Горбачева. В стране набирали силу процессы распада и развала, и деятельность МДГ, а также «Демократической платформы в КПСС» только усиливала общий хаос и упадок. Фракция Ельцина, Афанасьева, Шостаковского была организационно оформлена и действовала открыто. Но в КПСС существовали и другие, более сильные, но организационно не оформленные течения и платформы. Очень влиятельные позиции в самом руководстве КПСС занимали люди, позицию которых, оглядываясь в прошлое, можно было бы назвать социал-демократическим «уклоном» в КПСС. Речь шла о таких известных деятелях партии, которые выступали за расширение и в партии, и в государстве демократии и гласности, но не столь радикально, как это делала «Демократическая платформа». К этой части руководства КПСС можно было отнести самого Михаила Горбачева и таких членов Политбюро ЦК КПСС, как Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе и Вадим Медведев. В этом же направлении вели работу помощники М. Горбачева Анатолий Черняев и Георгий Шахназаров. Заметен был в этой группе и министр внутренних дел СССР Бакатин. Активно поддерживали М. Горбачева и некоторые общественные деятели, ученые и публицисты: Ф. Бурлацкий, О. Лацис, Н. Биккенин, П. Бунич, А. Вольский, А. Грачев, С. Шаталин и другие. «Демократам» в руководстве КПСС противостояли «традиционалисты». Это была группа лидеров ортодоксально-консервативного типа, которые имели сильные позиции в ЦК КПСС в обкомах и горкомах партии, в армии и в руководстве спецслужб. Лидером этой группы был, несомненно, член Политбюро Егор Лигачев. Его поддерживали деятели партийного и государственного аппарата – О. Бакланов, О. Шенин, В. Воротников, В. Крючков, Д. Язов, Б. Пуго, К. Катушев и другие. Среди помощников М. Горбачева к этой группе примыкали Валерий Болдин и Сергей Ахромеев.

Еще более сложные процессы размежевания происходили в партийном и государственном руководстве в союзных и автономных республиках. Помимо разногласий в политических, экономических и социальных концепциях здесь возникали и существенные различия в оценке и анализе национальных проблем. Почти все руководители союзных республик выступали за усиление самостоятельности республиканских партийных организаций и расширение возможностей экономического и хозяйственного самоуправления. Одним из первых обозначил свою позицию популярный литовский лидер Альгирдас Бразаускас. Он настаивал на организационной самостоятельности литовской организации КПСС. С разной степенью радикальности выступали и другие республиканские лидеры: Нурсултан Назарбаев, Аскар Акаев, Ислам Каримов, Станислав Шушкевич, Анатолий Горбунов, Леонид Кравчук, Ниязи Муталибов и другие.

Существенные изменения происходили в конце 80-х годов и на среднем уровне партийного руководства. Еще в 1987–1988 гг., а затем и в 1989–1990 гг. в аппараты райкомов, горкомов и обкомов партии пришло немало образованных и энергичных людей из научных институтов и вузов, из числа руководителей и парторгов предприятий, из воинских частей, из министерств, из медицинских учреждений и из комсомольских организаций. Эти люди не успели еще особенно отличиться, но они уже заявили о себе, и многие из них находились летом 1990 года среди делегатов XXVIII съезда КПСС. Именно из этой группы более молодых деятелей КПСС выдвинулись такие люди, как Борис Гидаспов, Аман Тулеев, Рамазан Абдулатипов, Минтимер Шаймиев, Людмила Вартазарова, Геннадий Скляр, Александр Мальцев, Владимир Калашников и некоторые другие.

Для такой большой партии, как КПСС, которая к тому же монополизировала в стране политическую жизнь, такие процессы размежевания были естественным результатом расширения внутрипартийной демократии. Но эти процессы внутри партии только начинались, и поэтому выборы делегатов на XXVIII съезд по платформам были бы явно преждевремен-

ным делом. Наибольшую активность в этом направлении проявляла именно «Демократическая платформа». Вторая конференция этой фракции состоялась в июне 1990 года незадолго до открытия XXVIII съезда КПСС. Делегаты и гости ознакомились с результатами социологического исследования, проведенного в 12 регионах страны. Согласно этому исследованию, программные документы «Демплатформы» одобряли 12 процентов всех коммунистов, еще 54 процента считали якобы, что документы требуют доработки и только 9 процентов относился к этим документам отрицательно. Соответствующие цифры по Программному заявлению ЦК КПСС были: 21 процент, 52 процента и 18 процентов⁸⁸. Среди участников конференции царил воодушевление, но результаты выборов на съезд партии их очень разочаровали. Среди примерно пяти тысяч делегатов XXVIII съезда лишь около ста человек являлись членами «Демократической платформы». Не стал делегатом съезда и ее лидер В. Шостаковский. Демократической фракции не удалось развернуть на съезде дискуссию на основе своей платформы.

Еще меньше преуспела в этом «Марксистская платформа». Лишний раз было доказано, что и граждане страны, и члены КПСС готовы были идти за теми или иными конкретными лидерами, а не за мало известными им политиками, предлагающими даже очень хорошие программы. Между тем Б. Ельцин только формально поддержал «Демократическую платформу», но не возглавил партийную фракцию. Через несколько дней после начала съезда он зачитал заявление о своем выходе из КПСС и покинул Дворец съездов. Фотография Бориса Ельцина, идущего между рядами к выходу из Кремлевского дворца съездов, обошла все оппозиционные газеты и западную печать. То же сделал и Анатолий Собчак, передав заявление о выходе из КПСС Михаилу Горбачеву.

«Демократическая платформа» привлекла к себе внимание перед съездом партии, и это понятно. Но сразу же после съезда организации и группы «Демократической платформы» стали распадаться. Борис Ельцин потерял к этой «платформе» интерес. Ее лидеры и идеологи В. Шостаковский и В. Лысенко также объявили о своем выходе из КПСС и о создании новой, но уже не коммунистической партии. Они предприняли большую поездку по стране, рассчитывая привлечь на свою сторону коммунистов. Но мало кто поддержал этих политиков. В конечном счете им удалось создать небольшую Республиканскую партию, учредительный съезд которой состоялся в ноябре 1990 года. Численность этой партии, по оценкам ее лидеров, составила около 20 тысяч человек. Предполагалось, что Республиканская партия станет центром по консолидации демократических партий всего Советского Союза. Но собрать что-то вроде Ассамблеи всех демократов и образовать добровольный союз демократических партий не удалось. После ряда расколов численность Республиканской партии уменьшилась к концу 1992 года до полутора-двух тысяч человек, и вскоре эта партия сошла с политической арены, как и ее лидеры.

Большую предсъездовскую активность проявили не только «демократы» и «либералы» в КПСС, но и наиболее радикальные консерваторы. Еще в начале 1990 года на противоположном фланге КПСС началось формирование ортодоксально-догматической группы, принявшей название «Движения коммунистической инициативы». Лидерами этого движения стали Виктор Тюлькин, Алексей Сергеев и Виктор Анпилов. Они призывали не к ускорению перестройки и демократизации, а к немедленному прекращению горбачевской политики, в которой видели отход от главных принципов ленинизма и классовой борьбы. Особенное негодование «инициативников» вызывали планы внедрения в нашей стране элементов рыночной экономики и частной собственности. Центром движения стал Ленинград, где уже с 1989 года существовала «большевистская» группа «Единство» Нины Андреевой. В Ленинграде в начале 1990 года состоялся первый, а затем и второй этап Инициативного съезда коммунистов России, в движении «инициативников» принимали участие некоторые народные депутаты СССР от Ленин-

⁸⁸ Известия. 1990. 17 июня.

града, Свердловска, Нижнего Тагила. Но это были малоизвестные люди, и поэтому печать уделяла движению ортодоксов крайне незначительное внимание. На XXVIII съезде КПСС находилась небольшая группа участников «Движения коммунистической инициативы», но их выступления не вызвали заметного отклика в партии.

После съезда «инициативники» решили провести свой собственный съезд, который состоялся в ноябре 1990 года в Ленинграде. Докладчик резко критиковал «перерожденцев, пристроившихся к правящей партии как к властной структуре», но возражал против призывов устранить Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Основной огонь критики был тогда направлен против фракции «Демократическая платформа» и экономических программ капитализации страны. Однако в самом начале 1991 года лидеры «инициативников» стали крайне резко выступать против «гибельного для Союза и России курса Горбачева, Ельцина, Яковлева». В июне в Москве был созван еще один Инициативный съезд коммунистов России. Этот съезд принял специальное воззвание с требованием созыва XXIX Чрезвычайного съезда КПСС. Основной задачей такого съезда стало бы отстранение от руководства «чуждой советскому народу антикоммунистической фракции Горбачева», политика которой ведет к распаду СССР, обнищанию трудящихся и к разрушению социалистической экономики. «Дело идет к государственной измене, – говорилось в воззвании. – Предпринимаются попытки отдать страну под контроль империалистических держав, продав за доллары свободу и независимость наших народов. Коммунистическая партия допустить этого не может»⁸⁹. Подобного рода воззвания являлись прямым объявлением войны руководству ЦК КПСС. Однако партийная печать полностью игнорировала резолюции и воззвания «инициативников». Никак не откликнулся на них и Горбачев.

Перед XXVIII съездом КПСС многие из оппонентов Горбачева называли его политику социал-демократической, стараясь придать этому определению негативный оттенок. Но слова относительно социал-демократизма Горбачева часто звучали и в устах сторонников Горбачева, а также в разного рода западных обзорах, но уже с позитивным оттенком. Еще за много месяцев до партийного съезда некоторые из помощников Горбачева рекомендовали ему взять курс на открытое и сознательное разделение КПСС на две-три крупные партии и на создание, таким образом, разумной и реальной многопартийности в стране. Новые партии могли бы произвести и раздел имущества КПСС. При этом сам Горбачев должен был возглавить социал-демократическую или социалистическую партию СССР. Такой именно процесс происходил в это время в Италии. Особенно настойчиво эти рекомендации звучали в записках помощника Горбачева Георгия Шахназарова.

«Михаил Сергеевич! – писал Шахназаров 27 декабря 1969 года. – Сейчас перестройка партии мыслится путем мелкого косметического ее ремонта. Между тем нужно взглянуть в лицо реальности и признать, что в том виде, в каком она существовала до сих пор, партия не имеет шансов сохраниться у власти. Это с достаточной ясностью показали события в других странах, и мы не составляем здесь исключения. КПСС может продержаться дольше, поскольку у нас в стране эта система впервые была создана и укоренилась глубже, чем где-либо еще. Но в конечном счете она обречена, если не сумеет именно сейчас, пока еще есть время, коренным образом перестроиться. Именно коренным образом, вплоть до перемены самого названия партии. Понятие коммунизм изжило себя, обнаружило свой утопизм, невозможность реализации, по крайней мере, в предвидимом будущем... Надо наконец признать это и взять на вооружение как ключевую идею партии установку на демократический социализм. Собственно говоря, это уже сделано Вами. Остается довести дело до логического завершения и переименовать партию в социал-демократическую, какой она и была при своем основании»⁹⁰.

⁸⁹ Из личного архива автора.

⁹⁰ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. М., 1993. С. 446–447.

Свое предложение Г. Шахназаров не раз повторил и развивал в записках 1990 года. Примерный расчет показывал, что курс на создание новой социал-демократической партии будет поддержан не менее чем одной пятой всего состава КПСС. Но это была бы политически сильная и активная партия, которая могла бы удерживать власть в стране на основе демократических процедур. В первой половине 1991 года Г. Шахназаров еще несколько раз призвал Горбачева начать процесс политического размежевания, итогом которого могло бы стать мирное разделение КПСС на партию демократического социализма и коммунистическую. В это же время и Александр Яковлев стал советовать Горбачеву пойти на размежевание в КПСС. В апреле 1991 года он передал ему большое письмо с предложением разделить КПСС на две партии и возглавить демократическую и реформаторскую часть партии. Коммунисты-демократы должны будут затем объединиться с другими демократическими организациями и партиями СССР и России. А. Яковлев призывал Горбачева: «Выход один: объединение всех здоровых демократических сил, образование партии или движения общественных реформ. Вопрос этот сейчас, при разгуле страстей и низкой политической культуре стал актуальнее, чем когда бы то ни было. Это судьба перестройки. Уже ясно, что в нынешних условиях две партии лучше, чем одна или сто... Тактика: объединение демократических партий, кроме крайне радикальных, размывание последних, конституционное соперничество с КПСС. Все это оздоровит обстановку в стране придаст новый облик борьбы, поднимет политическую культуру»⁹¹.

Горбачев, конечно же, обдумывал эти предложения своих помощников и советников, но неизменно их отклонял. В том, что создание социалистической или социал-демократической партии на базе части КПСС возможно, он не сомневался. Но такая новая партия могла и не удержать власть в стране. Трудно было предсказать, как поведет себя оставшаяся часть КПСС во главе, например, с Егором Лигачевым, насколько возможно и целесообразно искать союза и соглашения с различными течениями демократов, во главе которых уже стояли амбициозные политики. К тому же многие из этих течений и групп отказывались не только от коммунистической, но и от социалистической идеологии. Политический риск казался Горбачеву слишком большим. Но время шло, и возможность создания новой партии под руководством Горбачева быстро уменьшалась, как и авторитет самого президента.

В январе-феврале 1991 года в Санкт-Петербурге и Москве почти еженедельно проходили массовые манифестации демократов с требованием отставки Горбачева с поста Президента СССР. Демонстранты несли плакаты: «Ельцин – Да», «Горбачев – Нет». После конфликта манифестантов и армии у телецентра в Вильнюсе газета «Московские новости» вышла в свет с большим заголовком на первой странице: «Преступный режим, который не хочет уходить от власти». Число сторонников Горбачева стремительно уменьшалось. Быстро падал и авторитет всей партии. Опросы Центра социологических исследований, проведенные в феврале 1991 года показывали, что только 55 процентов граждан страны продолжали поддерживать КПСС. В это же время поддержка населением небольшого по численности Демократического союза Валерии Новодворской возросла с 4 до 10 процентов, а еще более крошечной Христианско-демократической партии – с 4 до 7 процентов. Образовавшийся в январе 1991 года (и распавшийся к весне 1997-го) блок демократических партий и движений, в которых под названием Демократического конгресса вошли Республиканская, Кадетская, Социал-демократическая, Свободно-демократическая партии России и движение «Демократическая Россия», оказался авторитетным для 15 процентов населения СССР. В целом же разного рода оппозиционные коммунистам партии и группы, с общей численностью не более 100–200 тысяч человек, значительно превышали по поддержке населения 15-миллионную КПСС»⁹².

⁹¹ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994, С. 263.

⁹² Отдел ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями // Социологический бюллетень. М., 1991. С. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.